

Неслучайная ночь

Автор:

Ольга Володарская

Неслучайная ночь

Ольга Геннадьевна Володарская

Ульяна писала отличные дамские романы. Но вдохновение покинуло ее, когда она разуверилась в любви. Решив попробовать себя в приключенческом жанре, она отправилась с приятелем Славой на базу экстремалов. В компании Славиных друзей и их спутниц она чувствовала себя белой вороной...

Сергей Ветер был богат и успешен. Но когда его перестали радовать автомобили, дома и девочки, он продал бизнес, занялся серфингом и построил на берегу моря станцию. Туда мог приехать любой, но с особой радостью он принимал институтских друзей: Егора, Марка и Славу. Однажды на станцию явился незваный гость – их давний недруг. Но он не дожил до утра...

Подозрение пало на парней с соседней базы, с которыми погибший вел какие-то грязные дела. И только Ветер знал, что убийца – кто-то из своих...

Ольга Володарская

Неслучайная ночь

Все персонажи и события этой книги вымышленные

Пролог

Таких страшных снов, как сегодняшний, Ульяне еще видеть не приходилось...

Обычно кошмары были примерно одинаковыми: ее догонял кто-то неведомый, но пугающий до холода в груди, или он же ломился к ней в дверь, которую никак не удавалось запереть, а бывало, стрелял в нее, и Ульяна чувствовала, как пуля врезается в ее тело... То есть она всегда была жертвой. И никогда не проявляла агрессии – не нападала, не догоняла, не стреляла в ответ. Зато искусно уходила от преследователя: то взмывала ввысь, то становилась невидимой, то, как пресловутый кинематографический Горец, бессмертной...

Сегодня же ей приснилось, как она УБИВАЕТ!

Деталей Ульяна не помнила. Единственная картина, всплывшая перед внутренним взором после пробуждения, была такая: она держит в руке какой-то штырь, заносит его над лежащим на песке человеком и вонзает острие в несчастного...

Что было дальше, Ульяна вспомнить не могла, да и не старалась. Ей и так было жутко и крайне неприятно от осознания того, что она, пусть и во сне, вела себя столь кровожадно. Значит, дремлет где-то внутри ее жестокость, хоронится злоба, таится тяга к убийству...

«Брр, – передернулась Ульяна. – Даже думать об этом страшно! Интересно, что сказали бы психологи, расскажи я им, с каким ледяным спокойствием в своем сне вонзала штырь в человека?»

Ульяна тряхнула головой, чтобы разогнать царапающие душу думы, и ощутила боль в виске. Только тут вспомнила главное: вчера она безобразно напилась, и кошмар мог ей присниться именно поэтому. Ранее она ни разу не надиралась до такой степени. И марихуаны не курила! А тут и то и другое. И как следствие – жуткий сон ночью, а утром головная боль.

Встав с дивана, Ульяна осмотрелась, желая отыскать сумку, в которой лежали таблетки. Спала она, как оказалось, на террасе, а вещи свои оставила в одной из комнат. Но сейчас там кто-то спит, и тревожить человека у Ульяны не хватило наглости. Поэтому решила достать анальгин в другом месте, а именно в автомобильной аптечке. Она вышла из дома и проследовала к стоянке. Там было

припарковано несколько машин, но Ульяна направилась к конкретной, к старенькой «Ниве» – та точно не поставлена на сигнализацию.

Когда проходила мимо ворот, заметила, что те не закрыты: одна створка на месте, а вторая распахнута. Ульяна сделала шаг в ее сторону, чтобы прикрыть. Вообще-то в том не было необходимости, так как ворота выполняли всего лишь декоративную функцию: они были врыты в песок, а не прилажены к забору. Забора просто-напросто не было! А ворота имелись. И хозяин территории и дома очень просил, чтобы их закрывали на ночь. Как он говорил, для порядка.

Ульяна взялась за створку, чтобы прикрыть, но тут взгляд ее упал на валяющуюся за воротами кроссовку. Большого размера, почти новую, фирмы «Адидас». Выходит, не одна она вчера перебрала, кто-то даже пьянее был, раз кроссовку потерял.

Решив прихватить ее, Ульяна вышла за ворота.

Вышла и... будто вновь попала в свой кошмар!

Сейчас она видела почти то же, что в сегодняшнем страшном сне, – человека, лежащего на песке. Мужчину, с которым вчера выпивала и курила марихуану. И этот мужчина был мертв – его тело пронзено металлическим штырем...

Ульяна закричала. Да так громко, что пульсирующая боль в виске стала нестерпимой. Но даже крик не смог заглушить внутреннего стога: «Не приснилось! Я видела тот кошмар наяву! Нет, не так: я создала этот кошмар... Я убила человека!»

Часть I

«Братство Ветра».

За несколько часов до...

Глава 1

Егор Баринов вел свой джип по мокрой дороге и матерился сквозь зубы. Дождь не прекращался уже вторые сутки, и, хотя на горизонте небо казалось светлым, он никак не мог достичь того места, где сухо и солнечно.

Егор раздраженно нажал кнопку магнитолы. По радио передавали сплошную попсу, а ему хотелось послушать что-нибудь приличное. «Роллингов», к примеру, или «Дип перпл». Егор обожал классику рока, но неплохо относился и к некоторым современным группам, к тому же «Слип ноту», почитаемому преимущественно подростками. Еще Егор с удовольствием слушал «Металлику» и «Нирвану», а также «Блер» и «Оэзис». Но в настоящий момент все радиостанции, будто сговорившись, передавали попсу, разбавляя ее длинными рекламными блоками и одними и теми же новостями. А диски Егор, как назло, дома забыл.

Настроение у Баринова было ужасное. Испортилось оно еще вчера. Сразу после того, как стало ясно, что контракта с итальянцами принадлежащей ему фирме не видать, хотя Егор очень рассчитывал на него все последние месяцы. Сотрудничество с «макаронниками» могло поправить пошатнувшиеся дела, но вот не вышло...

Егор вчера даже не дождался конца рабочего дня, тогда как обычно засиживался в кабинете до позднего вечера. Ушел сразу после обеда, заехал в магазин, купил бутылку коллекционного шотландского виски и самой обычной селедки. Это был его бзик – закусывать изысканные напитки соленой рыбой. Да не семгой и не форелью, а именно селедкой. И не той, что продают разделанной и со специями в баночках или пластиковых упаковках. Егор всегда брал рыбу бочковую. Целую, непотрошеную. Потом сам отрезал голову и хвост, вычищал внутренности, снимал кожу, резал, посыпал кольцами лука и заливал нерафинированным подсолнечным маслом. Ел он селедку либо с мягким черным хлебушком, либо с вареной картошкой. Друзья, знавшие о его бзике, над Егором подсмеивались. Они сами были не против подобной закуси, но употребляли ее под водочку. А вот чтобы отличный скотч или не менее хороший коньяк заедать столь простецкой пищей... Это уж извращение какое-то! Но Егору было плевать на всеобщее мнение. Он любил селедку с картошкой, а остальное не имело значения.

Придя домой, Баринов откупорил виски, разделал селедку, подогрел уже готовую картошку в микроволновке и уселся перед телевизором – бухать.

Вообще-то Егор пил редко. Не до этого как-то было. Домой он возвращался поздно, а утром за руль, поэтому обычно либо совсем не употреблял спиртное, либо пропускал стопочку-другую коньяка. Но приблизительно раз в месяц устраивал тихие попойки. Ему это было необходимо, чтобы не сойти с ума от нервного перенапряжения. Напиваясь, он давал волю эмоциям: мог со злости разбить тарелку о стену, пустить слезу, вспомнив об утратах, мог хохотать, как сумасшедший, при просмотре комедии или материться, слушая дурацкую юмореску. Хмельной, он звонил своим девушкам и кокетничал с ними так, как не позволял себе, будучи трезвым. Но если одна из них изъявляла желание приехать к нему, чтобы скрасить его одиночество, Баринов быстро сворачивал разговор и прощался. От секса, как и прочие мужчины в состоянии алкогольного опьянения, он не отказался бы, но ведь барышни только этим не ограничатся, будут приставать с разговорами, а то еще изъявят желание вместе принять ванну или ночевать остаться, а Егору нужно было одиночество. Не всегда, конечно, только в те редкие дни, когда он бухал.

В остальные же дни он не любил быть один. Поэтому имел кучу подружек, немалое количество приятелей и трех, но зато настоящих друзей. Последние, так же как и Егор, были членами клуба, носящего шутовское название «Ветродуйка». Его придумал основатель и лучший друг Сергей Ветер. Тот первым начал заниматься кайт-серфингом [1 - «Кайт» в переводе с английского – воздушный змей, в кайт-серфинге или кайтинге он применяется в качестве движущей силы. (Здесь и далее примечания автора.)] и был единственным, кто посвятил этому жизнь. Ветер продал свой успешный бизнес, купил землю на берегу Азовского моря и построил там станцию. Для себя и друзей. Сначала к Ветру приезжали только самые близкие. Егор, Славка да Марк, те, с кем он дружил еще со студенчества и кого решил приобщить к кайтингу. Но потом они стали брать с собой еще кого-то, интересующегося новым видом спорта, и количество гостей росло. Через пару лет последователей у Ветра стало так много, что пришлось сделать свой сайт в Интернете и зарегистрироваться, чтобы налоговики не донимали. Название для клуба придумывали долго. Хотелось, чтобы оно было звучным и не пустым. Но как-то не шло. А единственное годное – «Братство Ветра» – Сергей категорически отверг. Сказал, слишком пафосно. А спустя какое-то время, глупо хихикая после трех затяжек «голландки», повелел именовать клуб «Ветродужкой». Все посмеялись, но согласились. А что? И звучно, и со смыслом... И без пафоса. На эмблеме клуба они для солидности поместили лишь две буквы – «В» и «К» (Ветер-Кайтинг) на

фоне реющего змея и вздыбленной волны.

Вчера, когда Егор допивал бутылку вискаря, Ветер и позвонил. Слышно его было ужасно, ибо связь в их Ветроудуйске (так они именовали место, где стояла их станция, а на деле оно называлось Безымянной косой) была ужасной, но Баринов понял главное – завтра состоится внеочередное собрание клуба. У Марка какая-то невероятно радостная новость, и он жаждет поделиться ею с друзьями. Званы, естественно, не все члены клуба, только Егор, Слава да Бабуся. Последняя не была кому-то из них близкой родственницей (бабусей то есть). И пожилой женщиной тоже не была – ей еще не исполнилось и сорока. Звали боевую подругу Женей, и она носила фамилию Бабкина. Сначала ее называли Бабкой, но это звучало грубовато и как-то не вязалось с Женькой, очень приятной, мягкой, вечно опекающей своих друзей, поэтому ее нарекли Бабусей. Она не возражала.

– Ветер, ты меня извини, но я не приеду, – прокричал Егор в трубку, откуда раздавался сплошной треск. – Я бухаю и завтра с утра не смогу сесть за руль...

Но Ветер то ли не расслышал его из-за помех, то ли сделал вид, что слова Егора потонули в треске.

– Барин, мы тебя ждем! – прокричал он и отсоединился.

Егор грязно выругался (трезвый он не выражался совсем), швырнул трубку за спину и глотнул вискаря прямо из горлышка. Когда алкоголь обжег горло, закинул в рот кусок селедки с прилипшим к нему колечком лука, ломтик хлеба, кругляш остывшей картошки и принялся яростно работать челюстями.

– Не поеду я никуда, – проворчал он, немного успокоившись. – Тащиться за триста километров неохота. Да и погода ужасная – все дни льет как из ведра, дорога ни к черту...

Стоило только произнести эти слова, как Егор понял, что точно поедет к Ветру. За триста километров по мокрой дороге.

Восемь лет назад именно на такой Баринов попал в страшную аварию. Его машина на бешеной скорости влетела в «Газель», погибли люди: два пассажира его автомобиля и водитель грузовичка, скончавшийся от потери крови на пути в

больницу. Егор же отделался множественными переломами и сотрясением. «Болячки» быстро зажили, а вот от чувства вины и страха перед мокрой дорогой он до сих пор до конца не избавился. Первое же время Баринов совсем не садился за руль. Боялся. Не за себя – за других. Но через полгода заставил себя занять водительское место и тронуться. Ехал со скоростью тридцать километров в час. Ему протестующе сигналили те, кто двигался позади, кто-то кричал в окно «Чайник!», когда появлялась возможность его обогнать, но Егор не ускорялся. «Тише едешь, дальше будешь!» – повторял он как заклинание и почти месяц передвигался исключительно медленно.

Но со временем осмелел и вернулся к привычной, быстрой, манере езды. А вот в дождливые дни еще год за руль не садился. Вызывал такси и ехал на заднем сиденье позади водителя, самом безопасном, внутренне замирая всякий раз, как машина входила в поворот.

Чтобы избавиться от этого страха, Егор даже к психологу обращался, но тот мало ему помог. А вот друг Славка Кравченко – да, помог. В дождливую погоду он приезжал к Баринову на учебной машине из автошколы (его брат работал там инструктором), вытаскивал Егора из дома, сажал за руль и заставлял ездить сначала по двору, затем по тихим переулкам, а впоследствии по шоссе. Зная, что в случае чего Слава остановит машину сам, Егор чувствовал себя спокойнее.

В итоге Баринов победил свой страх. Не до конца, конечно, но, по крайней мере, перестал быть рабом собственной фобии. И теперь ездил на машине в любую погоду, а в дождливую особенно часто – чтобы избавиться от страха окончательно.

Именно поэтому он сегодня ехал к Ветру... За триста километров по мокрой дороге, которая все не кончалась...

Глава 2

Флаг «Ветродуйки» был виден издали – его водрузили на крышу станции, и сейчас он реял на ветру. Также Егор заметил в небе красно-черный кайт Сергея. Друг, естественно, находился в море. Где же ему еще быть, когда так изумительно дует?

Сергея был из породы тех одержимых кайтеров, которые, проснувшись, первым делом идут не в уборную, а к окну, чтобы проверить, есть ли ветер. Если тот оказывался подходящим (со стороны моря), то о стандартных утренних процедурах он мог позабыть. И, натянув гидрокостюм, схватив кайт и доску, выбежать из дома и броситься в воду.

Сергей был таким не всегда. Еще пять лет назад Ветер совсем не занимался спортом, а уж об экстремальных его видах и слышать не хотел. Когда Егор звал покататься на горных лыжах, а Марк прыгнуть с парашютом, он крутил пальцем у виска и отправлялся с парой цыпочек и ящиком шампанского в сауну. Там Серега зависал часов на десять, потом, немного вздремнув после изнурительно долгого секса, ехал в ночной клуб. Под утро, держась на ногах лишь благодаря таблетке экстази, возвращался домой. Жена Лена встречала его молча – знала, что ругаться бесполезно: муж либо просто не услышит, свалившись на кровать и мгновенно вырубившись, либо разорется и разбудит сына.

Лена вышла за Ветра замуж, будучи еще студенткой – училась на последнем курсе института, который когда-то окончил Сергей. Они встретились на каком-то его юбилее. Красавица Лена произвела впечатление на Ветра сразу, а вот тот на нее нет. Тогда он был тучен и стриг свои красивые черные волосы так коротко, что были видны складки на жирном затылке. Но Ветер нисколько из-за этого не комплексовал. Он знал – когда у тебя много денег, внешность неважна. Любая баба предпочтет его, толстого, вечно отекающего от перепоя миллионера, нищему красавчику. Да, Сергей был не прочь избавиться хотя бы от двадцати кило, но при его образе жизни сделать это было практически невозможно, а менять что-либо он не собирался. Поэтому оставался толстым. А Лене толстые не нравились. И она Сергея вежливо, но твердо отшила.

Ветер к такому не привык. До Лены все хорошенькие студенточки соглашались поужинать с ним, а после трапезы отправиться в шикарный загородный отель, где у Ветра имелся «свой» императорский номер. Лена оказалась первой, отказавшейся даже от похода в ресторан. Она встречалась со своим одноклассником (пареньком из какой-то деревеньки, хорошеньким и бедненьким, как Сергей потом выяснил) и не желала ссориться с ним из-за Ветра. Лена понимала, что она для него – «поточная» куколка, с которой состоятельный толстяк хочет переспать, чтобы доказать что-то самому себе. Другие, наивные, надеялись заарканить миллионера Ветра и стать если не его женой, то хотя бы постоянной любовницей. Но Сергей жениться не собирался (он уже был один раз женат, и ему хватило), а любовница у него имелась.

Сорокалетняя дама, политический обозреватель, умница. И хоть не красавица, но женщина эффектная и холеная, с которой не стыдно появиться в приличном обществе. Не то что с двадцатилетней дурочкой. С такой только в баньку да императорский номер. В их кругах давно прошла мода на модельных барышень. Теперь состоятельные мужчины приводили с собой на официальные рауты бальзаковских дам с высоким уровнем интеллекта, прекрасными манерами и широким кругозором.

Но Лена Ветра «зацепила». Поэтому он принялся за ней ухаживать с таким пылом, что девушка все же сдалась. Тут бы Ветру и успокоиться, но он сам себе удивился, поняв, что относится к Лене не как к очередному трофею, а питает к ней весьма серьезные чувства. Когда стало ясно, что девушка беременна, Ветер сделал ей предложение.

Они поженились весной. Была шикарная свадьба, затем романтическое путешествие в Париж. Диплом Лене писать было некогда, и она хотела взять академический отпуск, но Ветер заплатил кому надо, и его супруга получила документ об окончании вуза вместе со всеми. Ему была нужна жена с высшим образованием!

Лена родила в положенный срок мальчика. У Сергея имелась дочь от первого брака, Катюша, но он с ней совсем не виделся. Бывшая жена сразу после развода уехала в Канаду и забрала девочку с собой. Теперь Катюша откликалась на имя Кэт, говорила по-английски лучше, чем по-русски, а папой называла нового супруга мамы, богатого старикашку Билла. Так что появлению ребенка, а тем более сына, наследника, Ветер очень обрадовался. Так обрадовался, что три дня отмечал сие событие и чуть не забыл забрать новорожденное чадо и жену из роддома.

С ребенком Ветер супруге совсем не помогал. Считал, что дает ей достаточно денег, чтобы она наняла в помощь няню, а коль не желает этого делать, то это ее проблемы. Как и то, что Лена не хочет секса. Нет, понятное дело, что сразу после родов ей было не до постельных утех, и Сергей относился к ее холодности с пониманием. Изменял жене очень аккуратно, чтобы та ничего не заподозрила. То есть домой со свиданий возвращался вовремя и без следов губной помады на рубашке. Но когда сыну исполнилось два месяца, а Лена все продолжала держать его на расстоянии, Ветер стал проявлять признаки недовольства. Теща, каждодневно навещавшая дочь и внука, заметив это, провела с дочкой беседу, и Лена соизволила супругу отдалиться. Но сделала это с таким скорбным видом,

будто приносила себя в жертву.

На следующий день Ветер пришел домой с пятичасовым опозданием. Он был пьян и вонял женскими духами. Лена устроила скандал и принялась демонстративно собирать вещи. «Если сейчас уйдешь, то больше не вернешься, – хмуро проговорил Сергей. – Так что подумай...» После чего свалился в кровать прямо в одежде и захрапел. А Лена подумала, подумала, да и осталась.

Со временем их сексуальная жизнь более-менее наладилась. Но мужчине, привыкшему за годы холостой жизни к разнообразию, было скучно оставаться верным и примерным семьянином, то есть вечерами смотреть телевизор или ходить в театр, по выходным гулять с женой и сыном в парке, в отпуск ездить не в отвязный Амстердам и безбашенный Рио, а в благопристойный Баден-Баден или романтическую Венецию.

И стал Ветер постепенно возвращаться к своим старым привычкам. Сначала просто раз в неделю уходил в загул, потом приноровился на выходные уезжать в загородные клубы, а затем обнаглел окончательно и в отпуск отправлялся один или с любовницей.

Лена терпела. Из-за сына. Да и сама к безбедной жизни привыкла, ведь супруг в деньгах ее не ущемлял. Давал, сколько бы ни попросила. И подарки царские делал. Понятно, что откупался, но Лена старалась об этом не думать. Ей нравилось ездить на дорогой машине, носить бриллианты, шубки из норки и соболя, привычно посещать модный салон красоты, одеваться в дизайнерские вещи, перекусывать не в «Макдоналдсе», а в итальянском ресторане. Но кто бы знал, как она страдала из-за выходок мужа! Лене едва исполнилось двадцать пять, она хотела быть любимой и единственной, мечтала о том, чтобы муж был с ней нежен и ласков, как раньше, надеялась, что Ветру надоест таскаться, и они заживут как все нормальные люди...

Пока в Лене теплилась надежда, она терпела мужа. И мать ее в этом поддерживала. «У него, дочка, кризис среднего возраста начался, – говорила умудренная жизненным опытом женщина, тяжело вздыхая. – Ты подожди, скоро это пройдет. У всех мужчин так бывает. Вон сосед наш, Мишка Седов, всю жизнь нормальным был, а как сорок стукнуло, будто с ума сошел: обрился под ноль, проткнул ухо и нос, купил мотоцикл и байкером стал. А брат мой, дядя твой... в сорок два бросил хорошую работу и в геологи подался. С детства, сказал, об

этом мечтал. У твоего папы тоже кризис среднего возраста был. В свои тридцать восемь лет чуть к твоей ровеснице от нас не ушел. Думал, таким образом молодость свою продлит. Но ничего, перебесился... И твой перебесится!»

Лена ждала. А Ветер все бесился и бесился. На свое тридцативосьмилетие улетел с друзьями на Мальорку. Сказал – на неделю, а вернулся только через две. И не из Испании, в которой ему быстро надоело, а из Таиланда, где обожал бывать по причине, понятной всем любителям секс-туризма. В качестве подарка привез оттуда венерическую болезнь. И радовался, что не СПИД или гепатит. Но, вылечившись, Ветер продолжал в том же духе.

О том, что жена, забрав сына, ушла от него, Сергей узнал только на третий день. В пятницу позвонил Лене, сообщил, что на выходные летит в Москву на переговоры (на самом деле в Сочи с двумя модельками), и, не дослушав лепет супруги про обещание сходить в субботу всей семьей в цирк, отсоединился. В понедельник он вернулся в город. Побывав на работе, поехал домой, чтобы отоспаться. В квартире никого не было, но Сергея это не удивило. Мало ли куда жена с сыном могли уйти. Небось в тот же цирк! Ветер завалился спать и проснулся за полночь.

Решив, что домашние уже спят, встал и пошел в детскую, чтобы чмокнуть сына. Он его редко видел и не всегда вспоминал о том, когда у ребенка именины или в детском саду (элитном, естественно) утренник, но любил своего мальчишку. Если б тот, к примеру, тяжело заболел, Сергей, не раздумывая, продал бы все, что имел, лишь бы вылечить ребенка. Он дарил ему невероятные машинки, отправлял вместе с Леной и тещей в Диснейленд, покупал домашних животных: собачку, попугаев, шиншиллу. Одним словом, все, что продавалось за деньги, сыну давал. Но только не свое бесценное внимание...

Ветер недоуменно моргнул, не обнаружив сына в кроватке. Он не разрешал жене брать ребенка с собой в постель, даже если тот болел. Трехлетний мальчик не должен спать с мамой. Пусть настоящим мужчиной растет, а не неженкой. От рафинированности до гомосексуализма, по мнению Ветра, всего один шаг, а голубых он терпеть не мог.

Сергей влетел в спальню, чтобы устроить жене нагоняй, но кровать оказалась пустой. Шкафы, дверки которых были распахнуты, тоже. Ветер щелкнул выключателем, и, когда свет озарил помещение, с удивлением его обозрел. Одна мебель! А вещей почти нет. Ни Лениных, ни детских. И любимое зеркало жены –

антикварное, которое он подарил ей на какой-то праздник, – с трюмо исчезло. «Неужто Ленка все же ушла? – обалдело подумал он. – Но как решилась? Ведь я же предупредил... Вот дура!»

Ветер подошел к стоящему на тумбочке телефону и набрал номер родителей жены. Когда трубку взял тесть, без приветствий бросил:

– Лена у вас? Позовите.

Услышав ее тихое «алло», прорычал:

– Я не понял, ты что, ушла от меня?

– Да, – ответила она.

– Хорошо подумала?

– Да. – И после паузы, уже не так бесстрастно добавила: – Сколько же можно, Сережа? Я не железная терпеть все это. Если ты пообещаешь, что закодируешься и пойдешь со мной к семейному психологу, то я...

– Что ты? – насмешливо спросил Ветер.

– Вернусь.

– Детка, тебя предупреждали: если уйдешь, то навсегда. Ты меня знаешь, я своих решений не меняю.

– Какой же ты... – Лена не смогла договорить, заплакала.

– Алкаш и психопат, раз меня кодировать надо и к врачу вести?! – заорал Сергей, выйдя из себя. – Ребенка привези завтра, повидаюсь с ним. Остальное решим в суде. Все, чао!

И бросил трубку. Да не на рычаг, а в стену. Пластик треснул, осколки разлетелись в разные стороны. Ветер, пронаблюдав за их полетом, развернулся

и пошел в ванную, чтобы принять душ перед походом в ночной клуб.

Развели супругов с первого раза. Ветер обязался платить алименты, а Лена, в свою очередь, не препятствовать его свиданиям с сыном.

Выйдя из здания суда, Сергей сел в машину и влил в себя сразу стакан коньяка. Закусив спиртное мятной таблеткой, велел водителю ехать в загородный клуб, куда уже были вызваны две элитные проститутки. Правда, в тот день у него ничего не получилось. Он напился так, что даже умелые гетеры не смогли реанимировать его мужское достоинство. Кстати, такое в последнее время случалось с ним все чаще. Раньше он оставался мужиком даже тогда, когда едва держался на ногах. Теперь же сбои происходили и «по трезвяку». Сергей уже и стимуляторы потенции перед сексом принимать начал, а пару раз пришлось даже «Виагру» пить. Но в день развода ничего подобного под рукой не оказалось, и Ветер всю ночь изливал проституткам душу, тогда как должен был использовать их совсем по другому назначению.

Утром, проспавшись, Ветер все же смог заняться сексом, но он не принес ему ожидаемого удовольствия. Как и вино. Как и косяк. Как и борьба обнаженных проституток в грязи (для чего администратору клуба пришлось спешно ее искать – клиент платил). Как и их любовные игры после этого...

Ветер всем пресытился. Ему было тошно.

Но самое ужасное, что причина этого крылась не в крахе семьи. Он и не расстроился особо, когда жена от него ушла. Испытал чувство досады, и только. Скучать он стал задолго до развода. Потому и пускался во все тяжкие. Женился тоже поэтому. Думал, если появится семья, он ощутит интерес к жизни. Но жизнь так и оставалась пустой...

Когда Ветер был молодым и бедным, жить было интересно. Нужно было всем доказывать, в том числе и себе, что ты чего-то стоишь. Отвоевывать место под солнцем. Ставить неосуществимые на первый взгляд цели и добиваться, добиваться их...

Взять тех же женщин. Когда у тебя в кармане пятьдесят долларов и ты едешь на подержанной «восьмерке», добиться понравившейся барышни ох как сложно. Но тем и интересно! А стоит подкатить на тачке за три лимона и напоить

шампанским стоимостью как та «восьмерка», девицы сами заманивают тебя в постель... Скучота!

Когда после развода прошло полгода, Ветер дал другу Егору уговорить себя съездить в горы и отправился с ним на Домбай.

К тому моменту он уже не знал, чем себя развлечь, и от смертельной скуки едва не подсел на кокаин. Баринов, узнав об этом, дал Сереге в морду. Прямо в его кабинете. Увидел, как Ветер достает заветную коробочку, размахнулся и врезал кулаком в скулу. Он был ниже Сергея, но мускулистее, и летел глава концерна «ВетерОК» через весь кабинет, сметая стулья из красного дерева и фарфоровые напольные вазы, пока не врезался в стену.

- Охренел? - заорал Ветер. - Я сейчас охрану вызову, придурок!

- Да заткнись ты, - мирно проговорил Баринов. Затем взял коробку с коксом, прошел в туалет и высыпал порошок в унитаз. Вернувшись в кабинет, скомандовал: - Поднимай свою толстую задницу, со мной поедешь!

- Никуда я с тобой не поеду, понял? А вот ты у меня сейчас...

- Серег, хватит, а? Ну не могу я смотреть, как ты себя гробишь. У тебя двое детей, о них подумай...

- Не волнуйся, Барин, моих денег двадцати двум детям хватит!

- Если превратишься в наркомана, не факт, что они останутся... Это я о деньгах.

Егор подошел к Ветру, который все еще сидел на полу, и протянул ему руку. Сергей несколько секунд хмуро смотрел, потом хмыкнул и вложил в нее свою ладонь.

Через час они ехали в сторону Карачаево-Черкессии, в Домбай.

На сноуборд Ветер не встал, а взгромоздился. Егор не позволил ему выпить для храбрости, и Сергей не столько катил (по детской трассе), сколько падал. Ему было страшно и неудобно. Неповоротливое тело не слушалось, а расшатанные

нервы не могли обеспечить должной сосредоточенности. К тому же нестерпимо хотелось выпить. Но Баринов не давал. Говорил: тут, как за руль, пьяному нельзя. Вот Ветер и мучился. Но когда Баринов немного ослабил контроль, Сергей тут же раздобыл фляжку коньяка и принял залпом сто граммов. Дело сразу заладилось – он смог одолеть детский спуск и даже попробовал себя на взрослом, для начинающих.

На следующий день Ветер не мог подняться с кровати. Болело все тело, а физиономия сгорела на горном солнце так, что напоминала свеклу. Но Сергей преодолел себя – поднялся. Уж очень ему хотелось спуститься с одного склона, который еще вчера приметил: пологий, ровный, а главное – на нем никого. Внизу же такая красота невероятная! Девственный снег и похожие на помпоны запорошенные кустарники. О своем намерении Егору он не сказал. Наврал, что идет на тот, для начинающих, а сам рванул к заветному...

С доски Ветер упал не сразу, секунд через десять. Пологий и гладкий на первый взгляд склон оказался убийственной трассой для самых безбашенных экстремалов (таковых не нашлось в те дни, потому там и было пусто). Свалившись, Сергей катился кубарем бесконечно долго, пока не врезался в ствол одного из кустов-помпонов и не потерял сознание. Отыскали его только через полтора часа. Подняли наверх, увезли в больницу. Баринов, сопровождавший его, чуть не умер от беспокойства. Затащил, понимаешь, друга в горы и не проследил, чтоб тот не совался, куда не надо...

Но оказалось, Ветер отделался лишь переломом руки и легким сотрясением мозга. Полежав в больнице, а затем в санатории, Сергей вернулся на трассу. Теперь у него появилась цель – преодолеть не покорившийся ему склон. На это ушло три месяца. Ветер, естественно, не жил в Домбае, проводил там только трое суток, а двое дома и на работе (к счастью, его бизнес был настолько отлажен, что постоянного присутствия хозяина и руководителя не требовал), столько же уходило на дорогу туда и обратно. Причем рулил Сергей сам. Не хотелось от кого-то зависеть, пусть даже от своих служащих, да и вождение оказалось приятным делом. Врубишь музыку, жахнешь энергетического напитка и шпаришь по трассе на предельной скорости. Особенно здорово, когда в компании: с Егором, с сыном (он и его брал пару раз) или с телочкой. Можно погорланить песни, поржать, сделать привал в каком-нибудь живописном местечке. Встреча с инспектором ГИБДД тоже своего рода развлечение. Ветер уж и забыл, как это – договариваться и взятки давать...

Трассу для отороженных экстремалов Сергей осилил к весне, когда снег уже начал подтаивать. На склонах почти никого не осталось. Даже Егор, заядлый сноубордист, решил, что надо закругляться, и больше компанию Ветру не составлял. Сына Лена увезла в Турцию. А телочки как-то не к месту пришлись. Не до них Сергею было! Накатаешься, поешь и побыстрее спать, чтоб утром огурцом встать и вновь в горы. В общем, вышло, что порадоваться за него некому было. Но это и не имело особого значения – Ветер за себя сам радовался. А когда в баре отмечал победу (по этому случаю пили все присутствующие, Сергей угощал), он вдруг с грустью подумал о том, что сезон заканчивается. Через пару недель уже не покатаешься. И что дальше? Возвращаться к прежней жизни? К бухлу, девочкам, загулам? Или ждать, когда вновь наступит зима? А может, мчаться в те широты, где еще лежит снег? Пожалуй, последнее предпочтительней. Кстати, Сергей избавился не только от смертельной скуки, но и от своей зависимости от алкоголя и секса. А еще он похудел! На те двадцать килограммов, сбросить которые мечтал последнее десятилетие. Но вообще-то нужно было скинуть еще десяток...

Ветер серьезно задумался. Водка в глотку не лезла, и он ушел к себе в номер. Там, открыв компьютер, стал бродить по Интернету в поисках заманчивых предложений. На одном из специализированных сайтов для экстремалов наткнулся на незнакомое слово «кайтинг». Зная, что «кайт» в переводе с английского означает «воздушный змей», он стал читать о новом для себя виде спорта.

«В кайтинге воздушный змей применяется в качестве движущей силы, которую используют как для передвижения по земле, так и по воде. Причем выбор средства передвижения не ограничен. Это могут быть сноуборд, горные лыжи, ролики, кайтборд для катания по воде. Кайты специальной конструкции несут вас с потрясающей силой, поэтому незабываемые ощущения гарантированы каждому, кого они серьезно заинтересуют».

Далее следовали фотографии. На них были запечатлены парни и девушки, мчавшиеся на досках кто по горному склону, кто по морю. Над их головами реяли разноцветные воздушные змеи. Смотрелось удивительно красиво! Особенно впечатлили Ветра морские фотографии. Они так и дышали свободой: огромное водное пространство, лети куда хочешь (это тебе не горный склон), взмывай высоко и падай не на твердую породу, припорошенную снегом, а в воду...

Сергей почувствовал небывалое волнение и азарт. Ему захотелось попробовать себя в кайтинге. А еще проверить, так ли все захватывающе, как кажется.

Уже на следующий день он прилетел в Хургаду, где в одном из пятизвездочных отелей была открыта кайт-станция, при которой имелась школа.

Базовый курс Ветер прошел за несколько дней и встал на доску. Без падений, естественно, не обошлось, и первое время он больше проводил в воде, чем на борде. Но когда освоился и смог не только прокатиться, но и чуточку подпрыгнуть, ощутил такой дикий восторг, что перед ним меркло все, включая удовольствие от секса, пищи или алкоголя. И даже наркотическая эйфория не шла в сравнение с той, что он испытал, когда пронесся по водной глади, оторвался от нее и стал тем, кем считался почти сорок лет – Ветром.

В Россию Сергей вернулся только затем, чтобы передать право первой подписи своему заму и повидать сына. После чего вернулся в Египет, где пробыл до лета, осваивая сначала простые вращения и трюки, а затем сложные. Ветер так увлекся кайтингом, что все остальное перестало его интересовать. Даже не завел ни одного романа, хотя барышни вокруг него роем вились. Он еще сильнее похудел, и теперь его тело можно было смело назвать идеальным. А самочувствие – отменным. И от скуки следа не осталось.

Ветру понадобилось всего два месяца, чтобы принять главное в жизни решение...

Бизнес свой он продал. Денег выручил много: несколько миллионов долларов. Большую часть положил в банк, чтобы проценты бежали и детям наследство осталось, а остальные бабки ушли на покупку земли (место он нашел удивительно удачное: песчаная коса закрывала его от волн, но не ломала ветра), постройку кайт-станции и дома при ней. Еще Сергей арендовал в Египте квартиру на берегу Красного моря, чтобы зимой было где останавливаться. Теперь кататься со змеем на лыжах или сноуборде он не хотел. Только по воде!

Егор подкатил к бунгалу, в котором Ветер принимал гостей (когда никого не было, он спал в гамаке на станции, оттуда можно было быстрее попасть на пляж), и отметил, что явился первым. Больше на стоянке машин не было, только мотоцикл Ветра. Выгрузив вещи, Егор перенес их в дом. Затем, натянув гидрокостюм и взяв борд с кайтом, направился к морю.

– Ветер! – прокричал он, махая руками. – Ветер, ау!

Но Сергей его не слышал. И не только потому, что крик Егора отнесло в сторону. Просто Ветер, запрыгнув на кайтборд, становился глухим, немым и почти слепым – видел только то, что необходимо видеть, дабы удержаться на доске.

Баринов хмыкнул. Иного он от друга и не ожидал, так что зря глотку драл.

Надув свой кайт и расправив стропы, Егор двинулся к кромке воды. Плохое настроение улетучилось, едва он приехал на «Ветродуйку». Погода тут стояла изумительная, пусть не солнечная, зато дождя не было, а ветер дул так, как надо: сильно, но ровно, не порывисто. Он, в отличие от Сереги, не любил с ним бороться, а предпочитал иметь его в союзниках.

Когда Баринов угнездился на доске, друг, сделав сальто, неудачно приводнился. В этом был свой плюс – он наконец заметил Егора.

– О, Барин, салют! – сплюнув морскую воду, прокричал Сергей. – Приехал, значит? Молоток!

Последнее слово Егор еле расслышал, потому что начал движение. А уже через пару секунд несся к горизонту, поднимая бордом тучи брызг.

Он долго катался, ощущая, как из тела уходит тяжесть, скопившаяся за время пути, и из головы улетучиваются дурные мысли. Если бы не стих ветер, он задержался бы в море дотемна. Но дуть стало слабее, и Егор был вынужден закруглиться.

Когда он вышел на берег, оказалось, что в беседочке, расположенной между станцией и домом, где было оборудовано нечто похожее на чайхану, уже раскурен кальян, и трубки держат в руках Марк и его девушка Диана. Завидев

Барина, первый радостно заулюлюкал, вторая меланхолично кивнула. Она была скупа на эмоции почти так же, как Егор, которого подчиненные за глаза называли Сфинксом.

- Привет, - поздоровался с ними Егор. - Давно приехали?

- Только что, - ответил Марк, поднявшись и пожав другу руку. - А Бабуся тут уже час.

- И где она?

- Ясно где - на кухне. Увидела продукты, что мы привезли, уничижительно фыркнула и отправилась в дом кашеварить.

- Ясно. - Егор стянул с торса верх гидрокостюма и ощутил прохладу. - Пойду сполоснуть и оденусь. Скоро вернусь.

- Ага, давай. И Ветра поторопи. Выпить уже охота, а Дианка, как ты знаешь, в этом деле не компаньон.

Егор знал: Диана во многом для него оставалась темной лошадкой, но, что она совсем не употребляет алкоголя, выяснилось сразу при знакомстве. Тогда Барин, уже изрядно поддавший, протянул ей пластиковый стаканчик с шампанским и потребовал выпить с ним на брудершафт, а то он, видите ли, иначе не может обращаться к женщинам на «ты». Диана ответила:

- Значит, придется тебе ко мне на «вы» обращаться, потому что я не пью.

Егор так и делал до тех пор, пока не выкурил с Дианой один «косяк» на двоих. После чего оба решили, что это почти брудершафт.

Барин ушел в дом. Принял душ, оделся в спортивный костюм и прихватил с собой еще ветровку. Ночами весной тут бывало прохладно, а они, без сомнения, засидятся часов до трех.

- Барин! - долетел до него зычный глас Ветра. - Барин, ты где?

- Тут! - откликнулся Егор и вышел из комнаты.

- Славка, похоже, приехал. Пошли, встретим!

Баринов шагнул к окну и выглянул на улицу. Так и есть, Славка Кравченко приехал. Только у него был джип такого ужасающе оранжевого цвета, да еще и с языками пламени по бокам.

Егор, когда впервые увидел машину, не смог сдержать эмоций - расхохотался. И спросил, где эдакое чудо друг умудрился приобрести.

- Спецзаказ, - самодовольно хмыкнул Славка. - В автосалоне одно и то же: черные, белые и серебристые. Такая скука! Ну я и отогнал тачку сразу после покупки в известную мне мастерскую... Там креативные ребята работают, бывшие мастера городского граффити, вот они и постарались... Нравится?

- Безумно, - хмыкнул Егор.

И вот сейчас плод креатива вкатил на стоянку. Рядом с черным внедорожником Егора, темно-синим универсалом Марка и серой «Нивой» Жени он казался жарптицей в стае галок. Баринов впервые подумал, что Славка не зря перекрасил машину. Внимание она к себе привлекает, а Кравченко всю жизнь именно к тому и стремился.

- Батюшки мои... - донеслось до слуха Егора.

Голос был женским. Это означало, что Бабуся закончила свои кулинарные изыскания и скоро начнет всех кормить, а то во время готовки от нее слова нельзя было добиться. И мешать ей категорически запрещалось.

- А Славка-то не один, а с дамой!

Егор уже и сам видел, что Кравченко привез с собой очередную подругу. У него их имелось столько, что упомянуть всех никто из друзей не пытался. Егор был почти на сто процентов уверен: и на сей раз Славка приехал с новенькой.

– Эй, хозяин! – зычно прокричал Кравченко, выпрыгнув из джипа. – Где оркестр? Где красная ковровая дорожка? Где хлеб-соль? Почему никто не встречает дорогих гостей?

Ветер сложил губы дудочкой и затрубил. Затем, схватив со стоящего в прихожей кресла пестрый бедуинский коврик, швырнул его на крыльцо. Тут и Бабуся подоспела с буханкой хлеба и целой пачкой поваренной соли.

– Милости просим, гости дорогие! – хором проговорили они и поклонились.

Спутница Славы посмотрела на Ветра и Бабусю с некоторым недоумением. Наверняка решила, что они пьяны, раз ведут себя столь глупо. А Егор, с улыбкой наблюдавший за сценой со стороны, уверился в своем предположении относительно того, что барышня у Кравченко новенькая. Те, кто уже бывал на «Ветроудуйке», знали, как его обитатели любят подурачиться.

Славка с серьезной миной взошел на крыльцо, ковырнул хлеб и сунул кусок в рот. Прожевав, отломил еще один.

– Жрать хочу, силушки нет. Ехали без остановок, торопились... – прокомментировал он свои действия. – Затем повел носом и причмокнул: – Кстати, чем так вкусно пахнет?

– Пловом, тушеной картошкой и гуляшом, – ответила Женька.

– О, фирменный Бабусин гуляш! – обрадовался Кравченко. – Неужто?! Тогда пошли скорее...

– Слав, ты бы девушку свою представил, – подал голос Егор.

– О, Барин, и ты тут? Привет! А я думал, вы с Кудряшом уже отмечаете радостное событие. Да, я ведь еще не в курсе, что за событие...

– Мы тоже, – проговорил Егор. – Так как девушку зовут?

– Мое имя Ульяна, – представилась барышня. – Ульяна Мичурина.

– Она писательница, – сообщил Слава. – Сочиняет любовные романы.

– Ой, а я читала ваши книги, – радостно воскликнула Бабуся. – Мне они очень, очень нравятся... Дадите автограф? У меня с собой последний роман.

– С удовольствием, – улыбнулась Ульяна.

От улыбки спутница Кравченко стала сразу очень привлекательной, хотя до того производила впечатление довольно невзрачной барышни. Егор еще подумал, что она совсем не во вкусе Славы. Тому всегда нравились женщины яркие, буквально на грани вульгарности. Чтобы грудь прямо-таки вываливалась, губы алели и обесцвеченные до белизны волосы развевались. Ветер для его пассий даже определение придумал: «шамурки» – сокращенное от «шалавые гламурки».

Ульяна Мичурина под типаж никак не подходила. Ей, похоже, уже за тридцать (а не около двадцати, как Слава любил), она среднего роста, полноватая, одета просто, хоть и в фирменное, без макияжа, с собранными в сложного плетения косу медными волосами.

– Мальчики, тащите еду на стол, я уже все по тарелкам разложила, – скомандовала Бабуся. – А я провожу Ульяну в комнату, ей наверняка хочется себя с дороги в порядок привести...

И, схватив Мичурину под руку, потащила ее в глубь дома.

– У тебя, Славка, я смотрю, вкусы поменялись, – усмехнулся Ветер, когда женщины скрылись.

– В смысле?

– Ты предпочитал всегда малолетних блондинок с осиными талиями. А писательница старая, толстая и рыжая.

Егор с укоризной посмотрел на Ветра.

– Не, на самом деле она ничего, – поспешил исправиться Сергей. – Мне как раз такие больше нравятся, но по меркам Кравца – явный не формат.

– Тут ты прав, – не стал спорить Слава. – Меня она никак не заводит, хотя баба, бесспорно, интересная.

– Тогда зачем ты ее притащил?

– Сама попросила. – Кравченко прошлепал в кухню и схватил с тарелки кусок мяса. – Дело в том, что мы спелись с ней в Интернете, на сайте знакомств. Я там девочку себе подыскивал, а она попутчиков для путешествия. Причем рвалась барышня не куда-нибудь, а в Дахаб, чтобы познакомиться с кайтерами.

– Зачем?

– Надоело ей любовные романы писать, решила перейти на приключенческие. – Слава засунул в рот еще один кусок, затем тяжело вздохнул и накрыл тарелку крышкой. Чтоб не искушаться больше. – Я написал ей, что так далеко ехать необязательно, можно с нами.

– С нами... – фыркнул Ветер. – Да ты ж на доску встаешь раз в год и сразу с нее падаешь!

– Уж простите, что причислил себя к вашей когорте мастеров, – нарочито церемонно извинился Слава и покаянно потупился. Паясничать он тоже любил. – Так вот, я написал ей, что с НАМИ можно познакомиться и в России. Ульяна сразу ко мне прицепилась и не отставала до тех пор, пока я не согласился ее с собой взять.

– Ладно, пошли на берег, – прервал их диалог Егор. – Марку там выпить не с кем.

Кравченко тут же подхватил две тарелки (вернее – тарелищи) с мясом и картошкой, зубами подцепил пакет с прочей закуской и потрусил к выходу. Казан с пловом взял Ветер. Егору осталось только достать из холодильника выпивку. Открыв дверку, он присвистнул. На первой ее полке батареей стояло пять литровок водки. На второй столько же шампанского. На третьей – баночное пиво. А то, что не уместилось на дверке, просто лежало в отделениях

холодильника.

– Кудряш, ты что, винный магазин ограбил? – спросил Егор у Марка, когда явился в чайхану с малой частью обнаруженного в холодильнике спиртного.

– Можно и так сказать, – улыбнулся тот, потеряв руки при виде бутылок.

Алкоголь Марк принимал крайне редко, только когда встречался с друзьями, поэтому с такой радостью предвкушал выпивку. У него отец был тихим алкоголиком и умер от цирроза печени в сорок два года. Знал, что ему нельзя пить, но не мог остановиться. Кудряш очень боялся стать таким же, понимая, что наследственная кровь – не водица, и гены могут сыграть с ним злую шутку. Потому ограничивал себя в алкоголе. Другие могли вечером пивка бутылочку выпить или за обедом пару фужеров вина, Марк же боялся малыми, но частыми дозами ввести себя в искушение. Но и абсолютным трезвенником ему быть не хотелось, вот он и позволял себе несколько раз в году надираться. И тут тоже был свой резон, ибо на следующий день он так страшно болел, что потом на алкоголь смотреть не мог.

– Дело в том, друзья мои, – продолжал Марк, – что я теперь совладелец оптового склада алкогольной продукции. И граблю сразу сотню винных магазинов, поставляя им контрафактную продукцию по цене настоящего производителя.

– Э, ты чего, паленой водярой нас напоить решил? – возмутился Ветер.

– Вас я пою фирменными напитками из дьюти-фри, – успокоил его Марк. – Но заработал я на них благодаря контрафакту. Вы даже не представляете, какое прибыльное дело – поставлять паленое винище. Жаль, что я в алкогольный бизнес так поздно попал, а то бы уже имел свой остров в Карибском море.

– Ты это хочешь отметить? – Ветер разлил водку по четырем стаканам и раздал их друзьям. – Свое запоздалое превращение в алкогольного барона?

– Нет, что ты! Скажу, когда все соберутся... – Марк обернулся и посмотрел на бунгало. – Где там Бабуся? Мне не терпится поделиться...

– Опекает Славкину барышню. – Ветер отсалютовал остальным своим стаканом, после чего опрокинул содержимое в рот.

Остальные последовали его примеру

– Ульяна не моя барышня, – возразил Кравченко, поморщившись то ли от недовольства, то ли от водочной горечи. – Мы просто приятели.

– Значит, мы с Бариним можем за ней приударить? – хохотнул Ветер.

– Да пожалуйста... – Тут Слава недоуменно нахмурился. – А вам зачем?

– Зачем мужчина добивается женщины?

– Чтобы в постель ее уложить.

– Ну, вот ты и ответил сам на свой вопрос.

– Неужто вы находите Ульяну Мичурину сексуально привлекательной?

– Более чем, – не задумываясь, заявил Ветер. – Спелая, женственная, пахнет приятно. К тому же рыжие, говорят, очень горячие, а у нее волосы не крашенные – свои.

– Какие же вы дураки... – протянула Диана. За все время, что велась беседа, она не произнесла ни слова. Отстраненно покуривала и как будто даже не слышала, о чем идет речь. Но, как оказалось, впечатление было обманчивым. – Масть на сексуальность никак не влияет, это давно доказано.

– Вот тут ты ошибаешься, Дианочка, – парировал Марк. – Ученые еще в шестидесятых годах прошлого столетия выявили вот какую закономерность...

Но договорить ему не дала сама же Диана. Бесцеремонно прервала его возгласом:

– Вон твоя бывшая чешет, так что заготовливай торжественную речь, сейчас толкать будешь!

Диана имела в виду, конечно же, Бабусю, вышедшую из дома под руку с Ульяной. Когда-то Женя с Марком были парой, жили вместе, но расстались, потому что Кудряш увлекся другой женщиной. А именно – Дианой.

– Кто с ней? – заинтересовался Марк. – Неужели та самая писательница?

– Она самая, – ответил ему Ветер.

– А что? Очень даже ничего... Хотя лично я предпочитаю более высоких женщин.

– Заметно, – хмыкнул Сергей, демонстративно скосив глаза на Диану, росту в которой было почти сто восемьдесят сантиметров. Тогда как в Марке от силы сто семьдесят.

– Мальчики! – прокричала Бабуся издали. – Не хочу вас огорчать, но там, похоже, кто-то еще приехал!

– Не может быть... – мотнул головой Ветер. – Станция начинает работать со следующей недели, и все об этом знают.

– Может, левый кто?

– А левым тут вообще делать не фиг! О чем я и сообщил на щите, врытом у поворота, так что париться незачем, никто сюда посторонний не явится. – Сергей махнул женщинам рукой. – Короче, девки, шевелите батонами! Закусь стынет, водка нагревается!

«Девки» приблизились. Бабуся была в том же спортивном костюме, а вот писательница переделалась. Сменила джинсы и куртку на просторный сарафан и кардиган. Ни то ни другое Ульяну не красило, наоборот, делало толще и проще, и Егор подумал, что ей удивительно пошло бы маленькое черное платье или строгий костюм. И волосы зря она заплела в косу. Уж лучше бы распустила их. Или собрала в девятый вал.

- Писательница, ты водку пьешь? – спросил у Ульяны Ветер.

- Пью, – коротко ответила гостя.

- Тогда держи... – Сергей протянул ей наполовину наполненный стаканчик. – А ты, Жека, как всегда, винишко?

Бабуся кивнула, после чего уселась на корточки, не забыв дернуть за руку Ульяну – чтоб опустилась рядом.

- А теперь Марк скажет, зачем он нас собрал. – Ветер выжидательно посмотрел на друга. – Итак, Кудряш, мы слушаем...

Марк встал. Он взволновался, но старался не подавать виду. Раньше, когда на его голове топорщились кудряшки (отсюда и прозвище – Кудряш), его эмоциональный настрой был более заметен. Волосы Марка всегда как будто находились в сговоре с нервной системой, поэтому, если он по какому-либо поводу переживал, топорщились сильнее обычного, и это замечали все. Теперь же, когда Кудряш их обрил, о его настрое догадывались только самые близкие. Но и сейчас можно было определить его состояние. По глазам, например, или румянцу.

- Друзья мои, – начал Марк, – вы знаете, как долго я искал свое счастье... У меня было много женщин...

- Да уж! – гоготнул Слава. – Почти столько же, сколько у меня!

- Да заткнись ты! – дернул его за рукав Егор. – А ты, Марк, продолжай. Мы слушаем.

- В общем, я хотел сказать вам, что... – Кудряш тяжело выдохнул. – Что мы с Дианой...

- Подали заявление в загс, – закончила за него та. – Свадьба через месяц. Вы все приглашены. А сегодня типа помолвку отмечаем. Мы только вчера из Парижа вернулись, там Марк и сделал мне предложение... – Диана выставила правую руку и продемонстрировала всем кольцо с приличным бриллиантом, которое

раньше почему-то никто не заметил. – Я согласилась, и мы, едва оказались в России, сразу отправились в загс.

– Представляете, даже домой не заехали! – смущенно улыбнулся Марк. – Прямо из аэропорта... с вещами... не домой, а в загс. Над нами все работницы потешались.

– Романтика, блин! – цокнул языком Слава.

– Поздравляю, ребята! – воскликнул Ветер. – Молодцы, что решились...

– Что Марк решился, – поправил его Кравченко. – Он же у нас закоренелый холостяк!

– Просто до Дианы я ни разу не встречал женщину, на которой хотел бы жениться...

Бабуся, услышав это, помрачнела. И, отставив стакан, принялась что-то переставлять на столе. Видимо, чтобы никто не заметил, как изменилось ее лицо. Но остальные, даже Ульяна, не зная подробностей Жениной личной жизни, уловили ее настроение, и всем стало неловко. Особенно самому Марку, который всю жизнь боялся обидеть женщину. Тем более ту, с которой у него что-то было.

Глава 4

Марк ни разу не был женат. Но и бабником, коим прослыл, себя не считал. Да, он заводил романы, но больше половины его женщин сами проявляли стремление к знакомству, а Марк вступал с ними в связь либо из жалости, либо из лени (бывали такие навязчивые барышни, от которых отделаться целая проблема), либо просто, чтобы развеять скуку. Ничего хорошего, естественно, из этого не получалось, и романы быстро заканчивались. Женщины чувствовали отношение Марка к себе и разочаровывались в нем. Даже «липучки», которым, по всей видимости, был интересен партнер сопротивляющийся, а не амебоподобный. И уж тем более те, до кого Марк снисходил, чтобы не обидеть. Всем хотелось быть

объектом любви, а не жалости!

Но бывали случаи, когда Марк женщинами увлекался, и тогда для него не существовало преград. Он становился чрезвычайно обаятельным, романтичным и целеустремленным, добивался той, что ему приглянулась, и какое-то время был искренне с ней счастлив. Как правило, такое состояние длилось около полгода, иногда чуть дольше, но неизменно страсть затухала, не трансформируясь в более стабильное чувство. Марк еще несколько месяцев мучился, не зная, как расстаться с подругой, чтобы ее не обидеть, и очень радовался, если та бросала его первой.

Но с некоторыми это не проходило. Женщины терпели, считая, что в отношениях просто наметился временный кризис. И тогда Марку приходилось рвать с ними самому, что было мучительно для него. Но куда ж деваться, если любовница не хочет понимать очевидных вещей? Взять ту же Бабусю. Умная ведь баба, но, когда Марк создал ей невыносимые условия, надеясь на то, что она психанет и пошлет его подальше, Женька проявляла чудеса понимания и терпения. В итоге ему пришлось усадить ее перед собой и сказать: «Прости, я тебя разлюбил. Нам надо разъехаться. Но я очень хочу остаться твоим другом!»

Бабуся и тут не сдалась. Говорила: «Зачем же так сразу? Может, просто поживем в разных комнатах?» Когда Марк не согласился, она встала в позу и заявила, что никуда не уедет, потому что он все равно одумается и позовет ее назад, а ей вещи туда-сюда таскать не очень-то охота...

В общем, намучился Марк с ней! Хотя почему-то думал, что уж с Бабусей точно проблем не будет.

Они познакомились в транспорте. У него сломалась машина по дороге на работу, и Марк вызвал эвакуатор. А вот такси вызвать не догадался. Хорошо, что рядом была автобусная остановка, и он впрыгнул в первую попавшуюся маршрутку. Оказалось, зря. О чем и сообщила ему стоявшая рядом пассажирка, когда Марк спросил у нее, доедет ли до нужной улицы.

– Да вы не расстраивайтесь так, – успокоила его она. – Через одну остановку выйдем, и я вас дворами доведу, куда надо. Еще быстрее получится.

И на самом деле – получилось. Пассажирка, представившаяся Женей, привела Марка к дверям офиса за десять минут до начала рабочего дня. Причем, как оказалось, ей выходить нужно было только через пять остановок, но она так прониклась бедой случайного попутчика, что наплевала на свои планы.

– Не знаю, как вас и благодарить! – воскликнул Марк. – Вы очень мне помогли...

– Да бросьте вы, – смущенно улыбнулась Женя, – мне не трудно было... К тому же мы с вами в некотором роде не чужие друг другу...

– В том смысле, что все люди братья?

– В этом тоже, но вообще-то мы в одном институте учились.

– Что ж, неудивительно, – усмехнулся Марк. – В нашем городе в прежние времена вузов было всего три, и наш пользовался наибольшей популярностью. Только, простите, я вас не помню...

– Конечно, нет. Я была первокурсницей, а вы уже на последнем курсе учились и на всякую мелюзгу внимания не обращали. – Женя еще раз улыбнулась, теперь задорно. – Ну все, будем прощаться, Марк, а то я на работу опоздаю.

– А давайте вам такси поймаем? Я заплачу.

– Спасибо, не надо. Ходить пешком полезно... Особенно мне!

Марк присмотрелся к фигуре барышни и решил, что она зря на себя наговаривает. У Жени было очень аппетитное тело. Подтянутое, ладное. Самое же главное, что его новая знакомая имела пышные формы: крутые бедра и большую грудь. Но не они в первую очередь привлекли его взгляд, а ее темные глаза. Огромные, бархатные, наполненные какой-то невероятной медовой сладостью, они смотрели ласково и умиротворяюще. Да и остальные черты были настолько нежны, что Марк подумал: «Таких женщин сейчас не бывает. Остались где-то в эпохе раннего Возрождения!»

Марк выпросил у новой знакомой телефон и уже вечером позвонил ей. Пригласил вместе поужинать. Женя согласилась. Они отправились в уютный

рыбный ресторанчик, где просидели до полуночи. Женя была очаровательна в коротком платьице с декольте и с завитыми каштановыми волосами. Марк млел, глядя на нее. Когда же он узнал, что Женя увлекается горными лыжами и подводной охотой, то, как говаривала его двадцатилетняя сестра, просто отпал. Из ресторана они ушли, держась за руки. Ночь провели в квартире Марка. А через две недели Женя перевезла туда свои вещи.

Им было хорошо вместе. Марк ввел ее в свою тусовку, поставил на доску. Женю в компанию приняли сразу. Она была настолько естественной в своем желании помогать людям, что все к ней относились по-доброму. А когда Марк с Женей расстались (произошло это довольно быстро – через четыре месяца, последние полтора из которых он мечтал, чтобы любовница ушла от него), тусовка приняла сторону Бабуси. Даже мужики осуждали своего друга и твердили, что такой изумительной женщины Марк больше не встретит.

Он не спорил. Соглашался: Женя действительно изумительная женщина, но жить с ней только поэтому не хотел. Тем более что на его горизонте появилась Диана...

Девушка была совершенно не во вкусе Марка. Слишком молода, поверхностна и худа. Диана была из модельных. Ростом под сто восемьдесят, весом – от силы пятьдесят пять. Длинные ноги, полное отсутствие груди. Походка от бедра. Хищное лицо с выразительными голубыми глазами. Прямые черные волосы. Взгляд надменный, улыбка холодная. Образование – среднее, но как будто она и не училась десять лет в школе. Диана не знала элементарных вещей, но была чертовски смекалиста. А главное, так в себе уверена, что мужчины находили ее сногшибательной, хотя она была всего лишь привлекательна.

Марк таких женщин не любил. Ему нравились классически красивые, справные, как говаривал его отец, барышни. Непременно с мозгами. И некурящие. Диана же дымила, как паровоз. Ее тонковатый, но красиво очерченный рот невозможно было представить без сигареты. Но все это были мелочи! В конце концов, каждый когда-нибудь влюбляется в человека, являющегося противоположностью собственного идеала. Проблема была в том, что Диана считалась девушкой Ветра.

Сергей привез ее из родного города. Сказал: «Диане жить негде, вот я ее к нам и позвал». Естественно, спали они в одной кровати, но днем и вечером, как правило, были предоставлены сами себе. Диана не пробовала встать на доску, а

Ветер все время проводил на ней. И если другие его девушки заворуженно следили за тем, как Сергей рассекает морскую гладь, то Диане не было до этого никакого дела. Она любила плескаться в воде, строить замки из песка, загорать, подставляя свое худое тело палящему полуденному солнцу. Марк не мог на нее налюбоваться! А вот Ветер относился к своей девушке более чем спокойно. Даже частенько над ней подтрунивал, а иногда довольно жестоко высмеивал. «Дианка, перестань вилять тем, чего у тебя нет!» – хохотал он, шлепая ее по бедру. Или спрашивал: «Детка, а ты знаешь, кто такой Джугашвили?», кося глазом на портрет Сталина, отпечатанный на ее футболке. Диана флегматично отвечала: «Грузин». Ветер продолжал веселиться и заявлял с хитрой миной: «Диана, да ты умница! Он и правда был грузином... Пять баллов!» Диана фыркала и отворачивалась. То ли принимала «комплимент» за чистую монету, то ли просто не считала нужным обижаться на подколы Ветра.

Марк, в отличие от остальных, склонялся к последнему предположению. Тусовка же считала Диану дурой. Не просто недалекой барышней, а реально тупой особой. И только Марк видел в ней и глубину, и смекалку. Диана это чувствовала и душевно общалась только с ним. С остальными только по случаю, а с Марком любила поболтать. В то же время она с ним заигрывала. Обнимала, чмокала в щеку, шутливо пощипывала за ягодицы, а пару раз попросила намазать ее кремом для загара (загорала она всегда обнаженной). А как-то, когда народу собралось особенно много и была устроена пляжная вечеринка, Диана во время танца так тесно прижалась к нему, что Марк не смог себя сдержать... Почувствовав его эрекцию, девушка не смутилась и не отстранилась. А еще сильнее вжалась в Марка и шепнула: «Я тоже тебя хочу... Искупаемся?»

Он догадывался, чем закончится купание, и страстно об этом мечтал, но не мог себе позволить заняться сексом с девушкой друга. Марк отстранил Диану и покинул танцплощадку. Ушел в свою комнату, а ранним утром уехал со станции.

Вернулся он на «Ветродулку» только через две недели. Диана встретила его приветливо. Казалось, девушка не помнила о том эпизоде. Во всяком случае, вела себя так, будто Марк и не отвергал ее недавно. Он решил, что тогда Диана просто обкурилась (та злоупотребляла и табаком, и анашой), вот и запомнила. Но ошибся. Диана все помнила. Это стало ясно, когда они остались наедине, и девушка спросила:

– Это из-за Ветра?

- О чем ты? – переспросил Марк, хотя понимал, что та имеет в виду.

- Ну, шарахнулся от меня тогда.

Он смутился и ничего не ответил, только плечами пожал.

- Да и вообще, ты себя ведешь со мной уж очень правильно, – продолжила Диана, уставившись на Марка своими пронзительными глазами. – Я же вижу, что нравлюсь тебе, но ты ни одной попытки со мной сблизиться не сделал... Из-за Ветра, да?

И вновь Марк не ответил. Для него было привычным делом отмалчиваться, он давал женщине возможность все решить самой.

- Дурак ты, Марк, – усмехнулась Диана. – Ветру на меня начхать.

- Не может быть... Раз Серега с тобой, то...

- Это ничего не значит. Просто ему лень искать кого-то другого. Для него ж баба всего лишь объект с необходимыми для удовлетворения сексуальных нужд отверстиями, – изрекла девушка со знанием дела, и Марк в очередной раз убедился, что Диана далеко не глупа. – Да и нужду эту он испытывает довольно редко... поскольку так претя от кайтинга, что секс для него не очень и важен.

- Ты к чему ведешь-то?

- Поговори с Ветром. Я уверена, что Сергей пожелает нам совета да любви.

Она оказалась права! Когда Марк, ужасно тушуясь, сообщил другу о том, что ему нравится Диана, Ветер радостно воскликнул:

- Да что ж ты раньше-то молчал, чудило? Я б тебе ее сразу уступил!

Марка покорило последнее слово. Свои кайты, к примеру, Сергей не давал никому. Даже самым близким друзьям. А вот девушку запросто уступал.

- И что, сильно она тебе нравится? - полюбопытствовал Ветер.

- Очень.

- Извращенец, - хохотнул Сергей. Но тут же посерьезнел и заметил: - Учти, ей жить негде. Так что придется тебе ее в свою квартиру привести.

- Как так - жить негде? Не понимаю. Она что, за «спасибо» работала? Модели вроде отлично зарабатывают... Тем более Диана говорила, что заграничные контракты имела.

- Все имела. И контракты, и гонорары. Как следствие: квартиру, машину, украшения.

- И куда все делось?

- Муж ее все проиграл. Дианку, кстати, тоже.

- Как это? - обалдел Марк.

- Сел играть с серьезными людьми и не смог вовремя остановиться.

- Я не про то! Как можно живого человека... жену... проиграть?

- Вы, евреи, вроде башковитые ребята, но уж больно от жизни оторванные, - покачал головой Ветер. - Или ты один такой отсталый? Проиграть можно что угодно и кого угодно. Жен и любовниц чаще всего на кон ставят. И еще хорошо, что Дианку нормальный мужик выиграл. Не извращенец, не урод, не отморозок. Всего лишь поимел ее и отпустил.

- Всего лишь? - ужаснулся Марк.

- Мог ведь вообще ее в бордель какой-нибудь продать!

- Ужас какой!

– Я ж тебе говорю – муж ее с серьезными людьми играл. Кое-кого из них я знаю. Нормальные ребята, но карточный долг для них – святое. Не отдашь – запросто пришьют.

– Бедная девочка... – еле слышно проговорил Марк. – А родственников у нее нет?

– Сирота вроде.

Марк едва не прослезился. Он был очень сентиментальным и жалостливым. Мог пустить слезу при просмотре фильма «Белорусский вокзал», а на похоронах родственника навзрыд заплакать. Мог подобрать сбитую машиной дворнягу и отвезти к ветеринару, а заблудившуюся маразматичную бабушку вернуть домой. Мог бесплатно починить соседям кран, а замерзшему бомжу отдать свою куртку. Наверное, именно за это его женщины и любили. Потому как внешне Марк казался мужчиной ничем не примечательным.

В отличие от своих рослых друзей, он был невысок. И худ. До того, как заняться кайтингом, Марк сильно комплексовал по данному поводу. Но когда встал на доску, оказалось, что в его «карманности» есть свои плюсы. Например, мускулистый Егор больше чем на пару метров над водой не подпрыгивал, Сергею тоже рост мешал изящно выполнять трюки, а легкий Марк делал в воздухе такие кульбиты, что Ветер начал приставать к нему с предложением стать постоянным участником международных соревнований. По его мнению, друг мог бы стать чемпионом. Даже в свои сорок два года! Да только Марк, в отличие от Ветра, не жил кайтингом – просто им увлекался. Единожды он все же дал себя уговорить и принял участие в каком-то кубке, где занял третье место. Но этого ему хватило. Чтобы стать чемпионом, надо постоянно тренироваться, а у него дом, работа, Диана... Ему, черт побери, сорок два года! Зато он наконец обрел уверенность в себе, которая сделала его счастливым.

До сих пор Марк Штаркман считал, что природа его обделила. Дала только хорошие мозги, а вот на привлекательность поспешила. Красивыми на его лице можно было считать только влажные карие глаза. Нос, как у многих людей его национальности, был крючковатым, а губы довольно тонкими. Волосы... Волосы доставляли Марку хлопот – выше крыши. Особенно в юности, когда вились мелким бесом, не желая укладываться в приличную прическу. В тридцать лет Марк лысел. Но не как все нормальные мужики, ото лба к затылку, нет. Плешь его имела неправильную форму, и со стороны казалось, что у него стригущий лишай или что-то вроде того. Пришлось некоторые пряди отращивать, чтобы

закрывать ими проплешины, и пользоваться лаком. Но Марк сам понимал, что выглядит смешно. Да и времени на прическу уходило море, поэтому как-то утром, когда волосы категорически не желали принимать нормальный вид, он психанул и обрился наголо. И тут оказалось, что без волос ему гораздо лучше. Марк стал выглядеть brutальнее. Внушительнее, что ли...

С новой «прической» он сам себе нравился. А уж женщинам и подавно. Марк стал пользоваться у них еще большим успехом. Хотя и раньше на отсутствие их внимания не мог пожаловаться, что вызывало недоумение его друзей. На их фоне он выглядел заморышем, но дамы частенько отдавали предпочтение именно ему, а не высоченному Ветру, мускулистому Егору, обаяшке Славе.

Как-то, напившись до свинского состояния, друзья сняли штаны и стали мериться пенисами. Все почему-то считали, что у Марка он каких-то невероятных размеров, раз бабы так к нему льнут (Ветер орал, что они это либо чувствуют, либо Кудряш успеваеет свой агрегат им продемонстрировать), но его мужское достоинство оказалось самого обычного размера. Ничего выдающегося! Женщины тянулись к Марку совсем по другой причине. Они видели его ум, благородство, ироничность. Их привлекали его безупречные манеры и подкупала искренняя заинтересованность собеседницей. Марк слушал женщин с таким вниманием и сочувствием, что они таяли. А когда начинал говорить, то просто растекались. Он владел языком безупречно, знал все обо всем и мог увлечь любую. При этом женщины видели, что перед ними не «вшивый интеллигентик», способный лишь протирать штаны в какой-нибудь загнивающей конторе.

Марк действительно начинал свою трудовую деятельность в исследовательском институте, но сумел вовремя переориентироваться (и переучиться) и занялся маркетингом. Кроме того, он умудрился запатентовать несколько своих особенно удачных разработок, благодаря чему смог купить себе отличную квартиру, прекрасную машину и съездить в кругосветное путешествие, откуда вернулся в полном убеждении, что все женщины прекрасны, но лучше российских не сыскать.

Жаль, ни на одной Марку не захотелось жениться, хотя все его девушки были достойными. Они родили бы ему изумительных детей и стали бы блестящими хранительницами домашнего очага, но что-то останавливало Курдюша от финального шага...

Пока Марк не встретил Диану.

Девушка не ассоциировалась у него ни с материнством, ни с домашним очагом, но на это ему было наплевать. Он любил ее, хотел ее, жалел и только ее позвал замуж.

На счастье, Диана согласилась.

Глава 5

Гнетущее молчание разорвал оглушительный автомобильный гудок.

– Я же вам говорила, что кто-то едет! – выпалила Бабуся, закончив переставлять тарелки. – А вы мне не верили!

– Кого там еще черти принесли? – проворчал Ветер, поднимаясь из-за столика. И заорал: – Кто?

– Свои! – донеслось издалека. – Ветер, куда машину приткнуть? Твоя стоянка занята, а общая на шлагбауме.

– Кто там? – спросила у Сергея Бабуся.

– Не пойму. Но голос вроде знакомый...

– Прикатил Дрозд, – сказал Марк, обладавший самым острым слухом.

– Дрозд? – неприятно удивился Слава. – А этому чего тут надо?

С Дроздом они также были знакомы с института. Все ребята учились на разных курсах, а сдружились благодаря КВНу. Ветер и Кравченко играли в команде, Марк помогал придумывать шутки, а Егор просто являлся ярым болельщиком – его девушка была членом клуба веселых и находчивых. И туда ее привел именно Дрозд. Тот в КВН не играл, но не потому, что не хотел – его не брали. Дрозд был лишен и актерских способностей, и чувства юмора. Зато обладал такой настырностью, что кавээнщики приняли его в свой круг, а иной раз даже

выпускали на сцену – постоять в массовке. Дрозд рад был и тому!

Звали его Ваней, но для всех он был Иванушкой. Дрозд был белокур, голубоглаз, румян, высок и напоминал героя русских народных сказок. Особенно его внешность нравилась преподавательницам, и они частенько делали ему поблажки. А вот сокурсницы Иванушку не шибко жаловали. Им парень казался чересчур смазливый и бесхарактерным. И если с первым утверждением можно было согласиться, то со вторым – категорически нет. Характер у Ивана был, но он умело маскировал свою жесткость наивным взглядом и застенчивой улыбкой. А подлость скрывал под показным простодушием. Он так умело всех обманывал, что, когда стали поговаривать: Иванушка «стучит» на приятелей декану (после чего его и прозвали Дроздом, поскольку Дятел в тусовке уже был, но в том случае прозвище пошло от фамилии), многие не поверили. В том числе и Славка, единственный, кто по-настоящему сдружился с Иванушкой. Остальные – Егор, Марк, Сергей – сразу исключили Дрозда из круга своих приятелей. И когда учеба осталась позади, мгновенно о нем забыли.

Напомнил Дрозд о себе спустя много лет. Ветер, частенько бывавший не только на своем сайте, но и на «Одноклассниках», получил от него сообщение. Иванушка набивался Сергею в друзья, а так как это была всего лишь виртуальная дружба, тот Дрозду не отказал. Они стали общаться. Выяснилось, что Ваня, как и Ветер, успел дважды жениться, но оба брака просуществовали всего пять лет. Детей Дрозд ни с одной супругой не завел – не захотел, зато с последней организовал весьма успешный торговый бизнес. А после развода прибрал его к рукам (ну да, рассчитывать на благородство Ивана не приходилось) и теперь считал себя обеспеченным человеком.

В «Ветроудуйку» Ветер Иванушку не звал, Дрозд однажды явился без приглашения. Да не с пустыми руками, а с новой моделью кайтборда. Сказал: «Я торгую спортивным инвентарем, но для кайтинга еще ничего не возил. Посмотри, хорошая ли штука и стоит ли ее закупать. Борд тебе в подарок. Впоследствии возможно сотрудничество».

Ветер доску опробовал и пришел от нее в восторг. Однако в подарок ее не принял, отдал деньги. И от сотрудничества с Дроздом отказался. Думал, Иванушка оставит его в покое, но не тут-то было. Тот навевался в «Ветроудуйку» пусть и не часто, но регулярно. За сезон раза четыре приезжал, то есть раз в месяц. Дрозду давали понять, что ему не рады, но Ваня делал вид, будто ничего не замечает. Не пускать же его на станцию Ветер не мог,

поскольку она была открыта для всех желающих. Плати – и катайся сколько влезет. Можешь инвентарь и напрокат взять. Или для своего ячейку арендовать. Еще брать уроки у инструктора или просто нанять помощника. Но сезон открывался с середины мая, а сейчас было только начало месяца, и кайт-станция не работала.

– Ветер, ну ты чего молчишь? – вновь донесся глас Дрозда. – Куда мне припарковаться?

– На чертову задницу, – проворчал Ветер. Но в ответ прокричал совсем другое: – Откати мой мотик. Там места должно хватить.

– Лады!

– Нет, какого черта он приперся? – взбеленился Слава.

Он когда-то здорово пострадал из-за своей доверчивости. Продолжая дружить с Дроздом, Кравченко сам себе рыл яму. Иванушка каким-то образом умудрился испортить жизнь единственному другу (как именно, никто не знал – Славка отмалчивался), за что тот его жестоко побил прямо в фойе института. Дрозд, естественно, тут же понесся в деканат, и мстителя не отчислили только из-за того, что в кавээновской команде его нечем было заменить – такого блестящего актера долго пришлось бы искать, а полуфинал был не за горами.

С тех пор Кравченко Дрозда не замечал. То есть демонстративно проходил мимо него, будто тот – колонна. Но бывший друг его не задирает, боялся быть снова побитым. Слава ему и так нос сломал, а Иванушка своей внешностью очень дорожил. К счастью, после института жизнь их больше не сталкивала, и в те дни, когда Ваня бывал в «Ветродулке», Кравченко там отсутствовал. Да, конечно, знал от Ветра, что Дрозд изредка приезжает, но еще ни разу они не пересеклись...

Ни разу до сегодняшнего дня.

– Слав, не нервничай, ладно? – обратился к нему Егор. – Для Дрозда – как бальзам на раны чье-то неприятие. Так же, как и приятие. Он же из тех, кто считает: главное – вызывать в людях эмоции. Не важно какие! Типа, если вы меня не любите, значит, просто завидуете. Поэтому мы все делаем вид, что он

нам – по барабану.

– Вот и зря, – вскипел Слава. – В институте мы Дрозда терпели – ладно, деваться было некуда...

– Он тоже учился в нашем институте? – заинтересовалась Бабуся. – А какой он из себя?

Кравченко отмахнулся от нее и продолжил:

– Но с какой радости, я вас спрашиваю, нам тут терпеть? Надо было гнать взащей! Глядишь, не являлся бы сюда, как будто его здесь ждут.

– Напротив, – возразил Марк, – ездил бы гораздо чаще, чтобы всех позлить. Отказать в посещении станции Ветер не может, на это нет оснований.

– Да я и без оснований могу, – перебил его Сергей. – Я тут хозяин, что хочу, то и ворочу. Просто Дрозд с кайтерами закорешился – ему ж в душу человека влезть раз плюнуть, – и теперь народ его за своего держит. Тем более что он спонсирует некоторые соревнования. И дает многим ребятам возможность подзаработать рекламой.

– Но сейчас-то станция еще не открыта! – взорвался Слава. – И ты, Ветер, смело можешь ему сказать, чтоб валил к такой-то матери!

– Скажу.

– Только не в столь грубой форме, пожалуйста, – попросил деликатный Марк. Штаркман со всеми был сама вежливость. По его мнению, грубо посылать человека некрасиво и унижает прежде всего посылающего. – Надо просто сказать, что мы собрались тесным кругом, в который не хотели бы пускать посторонних.

– Чем он вам так насолил? – спросила Ульяна заинтересованно. Она увидела Дрозда, который шагал от дома к чайхане и на первый взгляд показался ей очень приятным.

– Насолил он прежде всего Славе, – ответил ей Егор. – И мы до сих пор не знаем, чем именно. Но что Дрозд – с дерьмецом, известно всем.

– О, вся компашка в сборе! – воскликнул Иван, подходя. – Даже Славик тут. Сто лет тебя не видел... – Он улыбнулся так открыто, что человек, не знающий двуличность Иванушки, посчитал бы эту улыбку искренней. – Привет, Слава.

– Привет, – едва сдерживая эмоции, буркнул Кравченко. Затем взял бутылку и разлил водку по стаканам. Дрозду предлагать не собирался, но тот сам попросил:

– Мне-то плесни...

– Больше стаканов нет.

– А это что? – Дрозд указал на пакет, брошенный на пол, в нем лежали остатки закуски и не понадобившаяся одноразовая посуда.

Слава молча достал стаканчик, наполнил его до краев и протянул Иванушке.

– Держи! Только я не врубаюсь, как ты после этого за руль сядешь.

– А я сегодня никуда не намерен ехать, – хмыкнул Дрозд.

– Странно... Потому что здесь оставаться тебя никто не просит.

– Но и не выгонит же, – ощерился Иванушка, после чего залпом выпил водку.

– Вот тут ты ошибаешься, – хищно улыбнулся Слава.

Держать себя в руках Кравченко больше не мог. Да и не хотел! Пусть ребята думают что хотят и ведут себя с Дроздом как им вздумается, а он либо выдворит его, либо вспомнит студенчество и снова начистит Иванушке рыло.

– Ветер, может, и не станет, Серега гостеприимный хозяин, а я запросто... – Слава плеснул водки только себе и отсалютовал стаканчиком Дрозду. – Вот

сейчас выпью еще пару стопочек и устрою пьяный дебош. С друзьями-то я подшофе добрый, а если под руку кто-то левый попадется, все, тушите свет!

– Не пугай меня, Кравченко, – скривился Дрозд. – Я не тот, кем был в институте. Уже десять лет занимаюсь кик-боксингом, так что неизвестно еще, кто кого: ты меня или я тебя.

– Иван, – повернулся к Дрозду Марк, – мы же взрослые люди, давайте постараемся вести себя цивилизованно.

– Ты это Кравченко скажи, не мне. Я на него не наезжал. Вообще ничего дурного не сделал. А что приехал без предупреждения, так не судите меня строго. У меня грандиозное деловое предложение к Сереже. И он, если согласится на мои условия, выиграет даже больше, чем я.

– А нельзя ли перенести вашу деловую встречу на другой день? Дело в том, что сегодня у нас своего рода закрытое собрание клуба друзей...

– Короче, ты лишний, Ваня, – добавил Егор. – Против тебя мы ничего не имеем, но сегодня хотели бы побыть в тесном кругу.

– С каких пор в него входит писательница Мичурина?

– Это не твое дело.

– Что ж... – Дрозд, поджав губы, помолчал. – Если вы настаиваете...

Он медленно поднялся. Глаза его были устремлены на Ветра.

– Ты, Сережа, надеюсь, понимаешь, что упускаешь шанс выйти на новый уровень? Благодаря мне ты можешь стать царем и богом всех кайтеров.

– Я не тщеславный, Ваня, – криво усмехнулся Ветер.

– Зато ты очень радеешь за свое дело, и если я сделаю предложение не тебе, а кому-то другому, твоя школа из лучшей превратится в самую отстойную.

– Ну, мы еще посмотрим.

– Зачем так рисковать, Сережа? Можно просто поговорить, и тогда...

– Не сегодня, Ваня. В любой другой день я тебя выслушаю.

– Я буду разговаривать с тобой либо сегодня, либо никогда.

Слава видел, как закипает Ветер. Ноздри его раздулись, синие глаза сузились, став похожими на щелки. Еще немного, и Сергей из Ветра превратится в Смерч и сметет Дрозда с ног. Кравченко знал, что друг, если его очень сильно разозлить, может затеять драку. Тут они с ним похожи. А Марк с Егором рукоприкладства не одобряли. Правда, если Марк не дрался прежде всего потому, что был довольно слаб, то Егор обладал недюжинной силой. Но никогда не применял ее в кулачных боях. И из себя не выходил. Даже голоса не повышал ни разу. Слава его не очень понимал, как и Марка. Любил по-дружески, но не понимал. Ветер был ему всех ближе. Поэтому он решил уладить его конфликт с Дроздом. Не столько как зачинщик, сколько как друг. Иванушка, подлая тварь, на самом деле может подгадить Сереге, и Кравченко никогда бы себе не простил, что стал виновником этого...

Глава 6

Слава единственный из друзей не проникся кайт-серфингом. Он навевался на «Ветродуйку» не за тем, чтоб пронестись по водной глади или воспарить над ней, делая в воздухе кульбиты, а просто встречался с дорогими и близкими ему людьми. И еще знакомился с барышнями, которые прибывались к их тусовке в больших количествах. Или хвастался своими.

В прошлом Кравченко был профессиональным спортсменом, бегуном на короткие дистанции. Когда из спорта пришлось уйти, он дал себе зарок больше не напрягаться. И теперь даже в тренажерный зал не ходил. Счастье, что ему повезло с конституцией, и Славик не растолстел, а только немного потяжелел. Ну, и животик у него обозначился довольно заметный. Но барышни находили его уютным и приятным, постоянно пощипывали, потому он и не думал его сгонять.

В отличие от друзей, Вячеслав Кравченко был женат. Восемнадцать лет назад он взял замуж свою соседку, которую знал с детства. Ольга была младше на три года и влюблена в него чуть ли не с пеленок. Когда Славка пошел в школу, она бежала следом и просила взять ее с собой. Из-за соседа Оленька в четыре года научилась читать и писать – лишь бы сесть с ним за одну парту. Уже тогда она всем заявляла, что выйдет за Славу замуж.

В день, когда Кравченко провожали в армию, пятнадцатилетняя Оля дала клятву ждать его. Девушка, с которой Славка тогда встречался, ее за это чуть не побил. Крикнула: «Без тебя есть кому его ждать!» – и вытолкала за порог. Но, в отличие от Оли, через несколько месяцев нашла себе парня, а Славкина соседка два года вела себя паинькой. Всем говорила, что у нее есть жених, и никаких вольностей не позволяла.

Жители подъезда над Ольгой беззлобно подсмеивались, и только Славина мама воспринимала девочку всерьез. Она постоянно твердила сыну, что лучше жены ему не найти, и советовала к ней присмотреться. Но Славке совсем не нравились малолетки. Тем более пухлые и невзрачные. Его тянуло к стройным, ярким, разбитным. К шаловливым кошечкам. К зажигалкам. К гибким, уверенным в своей неотразимости куколкам. Оля же носила пятидесятый размер, заплетала свои роскошные волосы в косу, вела себя очень рассудительно (если не считать ее безрассудной любви к Славе) и походила на тургеневскую барышню. В общем, Кравченко мать не слушал, и Олю в качестве своей потенциальной девушки, а уж тем более жены не рассматривал.

Отслужив в армии, он восстановился в институте, откуда его отчислили за прогулы, и вернулся в спорт.

Со своей первой и единственной большой любовью Кравченко познакомился на соревнованиях – разминался перед забегом, а Юля сидела на первом ряду трибуны. Она была так хороша собой, что все спортсмены на нее пялились. И Слава не оказался исключением. Только этим не ограничился, а набрался наглости, подбежал к бортику, схватил барышню за руку и выпалил: «Девушка, вашей маме зять не нужен?». Та в ответ только фыркнула (типа, мог бы сказать что-нибудь менее банальное), но посмотрела на парня благосклонно и пальчики свои из его лапищи не сразу вырвала.

На тех соревнованиях Слава занял первое место. А после все же с Юлей познакомился. Она оказалась дочкой одного из тренеров и сама когда-то

занималась легкой атлетикой. Юля была старше Славы, ей уже исполнилось двадцать шесть, и она имела маленького сына. С мужем не так давно развелась, работала в детской спортивной школе, жила с ребенком в купленной родителями квартире. Туда она Славу и привела после соревнований. На чай. Но так как сын гостил у бабушки и помешать молодым людям было некому, они, вместо того чтобы дуть кипятком с заваркой, занялись бурным сексом прямо на кухне. А потом в ванной. И в комнате. И даже на лоджии, куда вышли покурить...

Юля, перед тем как проститься со Славой, смущенно проговорила:

- Ты не подумай, что я шлюха... Со мной такое впервые, чтоб в день знакомства...

- Дурочка! - ласково улыбнулся ей Слава. - Я никогда бы о тебе так не подумал. Я же вижу, какая ты.

- Значит, мы еще встретимся? А то знаю я, как вы, мужчины, относитесь к тем, кого затаскиваете в постель на первом свидании.

- Во-первых, еще неизвестно, кто кого... Во-вторых, в постели мы с тобой пока сексом не занимались. А в-третьих... Я тебе сам надоем!

И, расцеловав Юлю, он унесся на занятия - уже наступило утро.

Сразу после учебы Слава вновь примчался к девушке. С цветами и золотым колечком. Юля розы приняла, а вот перстенок отвергла. Сказала - слишком дорогой и символичный подарок. А Славе именно такой и хотелось сделать. Чтобы Юля поняла, что для него она - не мимолетное увлечение, а девушка его мечты.

Слава на самом деле воспринимал ее именно так. И с первого дня знакомства хотел видеть своей женой. Он даже родителям об этом сказал. Мама, узнав, что избранница сына разведена с ребенком, пришла в ужас. А отец уговаривал не торопить события. Но Слава проигнорировал советы родителей, слушая только свое сердце, и уже через две недели после знакомства сделал Юле предложение.

Девушка с радостью его приняла.

Свадьба Юли и Славы должна была состояться в сентябре. В августе же Кравченко уехал на сборы в спортивный лагерь. Там он дико скучал по своей невесте, звонил ей каждый день, писал письма и раз в неделю ездил в город, чтобы повидаться. За сотни километров ради двух часов общения – больше побыть вместе не получалось, нужно было возвращаться в лагерь.

Когда до окончания сборов оставалось шесть дней, Слава вспомнил, что ровно два месяца назад увидел Юлю на трибуне. Каждый день, проведенный рядом с нею, был похож на чудо, но вдали от любимой Слава загрустил. Он понимал, что совсем скоро Юлю увидит, а уже через три недели станет ее законным мужем, но самоубоворы не помогали. Хотелось увидеть ее именно сегодня, отметить этот маленький праздник...

И Слава сорвался из лагеря, на перекладных добрался до города. В ночном ларьке возле дома купил шампанское, конфеты, Юлиному сынишке его любимых «киндер-сюрпризов» и помчался к ее подъезду. По лестнице не шел и даже не бежал – летел. А сердце от радостного нетерпения бухало так сильно, что казалось, если ступеньки сейчас не кончатся, просто выпрыгнет из груди...

Слава открыл дверь своим ключом, тихонько вошел. К его удивлению, в спальне горел свет. Он-то решил, что все спят, а оказывается...

Поставил сумку с покупками на пол и вошел в комнату. Он думал, что застанет Юлю в кресле у телевизора, но ошибся. Его невеста находилась на лоджии, где занималась сексом с каким-то парнем. Две недокуренные сигареты дымились в пепельнице на подоконнике.

Кравченко хотел уйти. Очень хотел. Сбежать, чтобы ничего не видеть... А еще чтобы не натворить глупостей... Но не смог!

С диким рычанием он ворвался на лоджию, схватил Юлиного любовника за шею и с силой сжал пальцы. Парень взвыл. Его партнерша испуганно обернулась. Она была увлечена процессом и не слышала, что кто-то вошел. Она никак не ожидала Славу увидеть! Знала – жених на сборах, а значит, у нее есть возможность немного расслабиться. Когда замуж выйдет, встречаться с другими парнями станет гораздо сложнее. Да и опасно – вдруг супругу кто донесет? С

первым-то мужем именно из-за этого развестись пришлось...

Пока Юля ужасалась тому факту, что Слава оказался не в лагере, а у нее в квартире, сам он успел надавать ее случайному любовнику по морде и вышвырнуть его за дверь. Когда там же оказалась и одежда соперника, Слава вернулся на лоджию, швырнул Юле халат и велел:

– Прикрой срам!

Невеста стыдливо натянула халат.

– Не шлюха, да? – прорычал Слава, из последних сил сдерживаясь.

– Сама не знаю, как это вышло, – залепетала Юля. – Саша был моим парнем когда-то... Мы не виделись три года, он служил на Дальнем Востоке и вот вернулся...

Юля протянула руки, чтобы обнять Славу, но тот шарахнулся от нее, как от чумной. И она заплакала.

– Прости меня, прости! Мне стало его жаль. Он так любит меня! И пришел сделать предложение... А я сказала, что выхожу замуж за другого, которого безумно люблю...

И тут Кравченко не выдержал. Терпение его лопнуло, и Слава залепил пощечину Юле. Та отлетела метра на три и упала. Но он не стал помогать ей подняться. Боялся, что если задержится здесь еще хотя бы на пять минут, то не совладает с собой и изобьет Юлю по-настоящему. Поэтому, не говоря ни слова, выбежал из дома. Ничего не видя из-за выступивших на глазах слез, Кравченко понесся через дорогу.

В десяти метрах был подземный переход, но Славе всегда было лень в него спускаться, и он перебегал улицу поверху. Правда, обычно очень внимательно следил за потоком машин. И делал остановки на полосах, если тот был плотным. Но это обычно! А не в день, когда жизнь рушилась...

Слава не увидел приближающегося грузовика, только услышал, как он оглушительно просигналил, после чего почувствовал страшную боль, а через миг сознание покинуло его.

Очнулся Кравченко в больнице. Рядом с кроватью обнаружил маму и... Олю. От первой узнал, что у него сломаны обе ноги и несколько ребер, что, по сути, ерунда, а вторая сообщила о своей желании быть рядом с ним даже в случае, если Слава останется инвалидом. Тут мама ткнула ее в бок, и Оля замолчала. Но Слава уже понял, что его положение не столь радужно, как его пытались уверить, и стал донимать расспросами родительницу. Той пришлось сообщить сыну, что у него еще травма позвоночника, и врачи пока не знают, сможет ли он ходить.

На счастье, Слава пошел. И пошел довольно скоро, на нем все заживало как на собаке. А вот бегать еще очень долго не мог. Сначала на костылях ковылял, потом – опираясь на палку. В спорт он больше не вернулся. И Юлю не видел, хотя та сделала попытку навестить его в больнице, но Слава не разрешил ее впускать.

Окончательно выздоровев, Кравченко сделал Оле предложение. Та, естественно, его приняла. Спустя месяц они поженились. Через год стали молодыми родителями. Еще через семь лет в их семье появилось второе чадо.

Все годы брака Слава жене изменял. Начал в медовый месяц.

Они поехали в свадебное путешествие в Крым. Супруга спать укладывалась рано, да Оля и не любила шататься по барам и дискотекам и даже просто по набережной, где толкотня, оглушительная музыка, куча пьяных. Слава же не для того на курорт ехал, чтобы вечерами телевизор смотреть, поэтому сразу сказал, что если жена не хочет тусоваться, то может оставаться в номере, а он пойдет развлекаться. Оля попыталась его отговорить, но – бесполезно. Пришлось ей смириться.

Слава вечерами гулял один. Они договорились, что он будет возвращаться в отель не позже полуночи, а во время своих «променадов» не станет напиваться и флиртовать с женщинами. И Кравченко слово держал: являлся всегда ровно в ноль часов и почти трезвый. А то, чем он занимался с отдыхающими барышнями, флиртом назвать было сложно. Он занимался с ними сексом и за время медового

месяца сумел соблазнить троих. Причем с одной из этого трио встречался не только вечером, но и днем, когда Оля лежала под навесом, спасаясь от палящего солнца, – якобы ходил к далекому пирсу, чтобы понырять. На самом же деле он забегал к своей землячке, снимавшей дом неподалеку, и занимался с ней быстрым сексом. По возвращении домой они еще полгода встречались – Славе нравился ее неумный темперамент.

Оля же воспринималась им как удобная во всех отношениях женщина. И, что самое главное, надежная. Другим Кравченко не верил. Тем более тем, к кому его тянуло. Бывало, Слава увлекался, но теперь-то ведь знал: с бабами по-хорошему нельзя, они двуличные твари, годные только для того, чтобы доставлять мужику удовольствие. А еще рожать детей. Для последнего у него была Оля, а для остального – сотни дамочек, более привлекательных и раскованных, нежели жена. Так что, можно сказать, Слава отлично устроился: полноценная семья и бурная сексуальная жизнь вне ее. О чем еще может мечтать мужчина? Разве что о том, чтобы жена не узнала о той самой сексуальной жизни... Или хотя бы делала вид, что пребывает в неведении.

За восемнадцать лет брака Оля ни разу не дала Славе понять, что наслышана о похождениях мужа. «Добрые» люди то и дело сообщали ей о том, что видели Кравченко с барышнями, да и сама она давно перестала быть наивной дурочкой, понимала, почему супруг неделями не прикасается к ней и слишком часто задерживается на работе. Но Ольга держала свои переживания при себе, со временем уяснив для себя главное: Слава – лакомый кусочек для женщин. Ее избранник – чертовски обаятельный, умный, имеющий неплохую работу, сексуальный мужчина, а она – серая мышка, невзрачная, толстая, скучная, и на нее вряд ли кто позарится. Но! Супруг от нее не собирается уходить, потому что его все устраивает. А раз так – зачем портить нервы Славе и себе ненужными разборками? Не дай бог, муж взбрыкнет и натворит глупостей...

Вот так и жили. На удивление друзьям и на радость родителям. Славина мама оказалась права – лучшей жены ему не найти.

Кравченко положил руку на плечо Ветра и легонько сжал, как бы говоря: успокойся, друг, не надо кипятиться. Затем взял два стакана, разлил водку, один поставил перед собой, второй протянул Дрозду.

- Давай выпьем, Ваня. Ты и я. За день согласия и примирения.

- День согласия и примирения седьмого ноября.

- Это общероссийский. А наш с тобой, персональный, так сказать, будет сегодня. Я не хочу портить праздник Марку... - А про себя Слава добавил: «И жизнь Сергея». - Поэтому согласен считать тебя пока если не другом, то хотя бы не врагом. Ты принимаешь мое предложение?

Дрозд, надо отдать ему должное, не стал выкобениваться. Молча кивнул и принял из рук Кравченко стакан. По всей видимости, дело, о котором он столько говорил, было выгодно не столько Ветру, сколько ему самому.

Выпив, Дрозд передернулся.

- Как вы ее пьете? Гадость редкая...

- Водка хорошая, - кинулся на защиту привезенного продукта Марк. - Из дьюти-фри.

- Да я не про качество... - Дрозд схватил со стола яблоко и принялся яростно его грызть. - Я в ней не понимаю ни черта, по мне вся водка одинаково противная.

- Зачем тогда пьешь?

- Ну, не компот же пить... - кивнул он на бутылку вина. - Мужики должны употреблять крепкий алкоголь. На худой конец пиво.

- Кто сие сказал?

- Таково мое мнение. Еще я считаю, что мужчине необходимо питаться мясом, поэтому я его ем, хотя и не люблю.

Слушая его, Кравченко думал о том, что понимает, откуда это в Дрозде. Вячеслав помнил, как в институте Иванушка страдал из-за того, что все считали его немного женственным. И дело было не столько в его смазливой физиономии, сколько в походке и голосе. Дрозд повиливал бедрами, хотя они не выглядели очень широкими, просто чуть полноватыми. А голос у него был таким высоким, что Иванушку по телефону путали с девушкой. Парень и курить начал в надежде на то, что голос огрубеет. И частенько пил ледяное молоко, чтобы простыть и охрипнуть. Раз и навсегда!

Но, как выяснилось, напрасно Ваня подвергал свое здоровье вредным воздействиям. Голос остался прежним. Наверное, поэтому Дрозд старался говорить очень тихо, ибо стоило ему повысить тон, как в нем появлялись визгливые бабьи нотки.

Во внешности Дрозда с годами также больших изменений не произошло. Он по-прежнему походил на сказочного Иванушку, только несколько потрепанного. Хорошо хоть не расплылся, но и мускулистым не стал. Про занятия кик-боксингом Дрозд, возможно, и не врал, однако успеха в нем явно не добился – иначе мышцы вырисовывались бы более отчетливо.

– В холодильнике есть пиво, – сказал Марк. – Если хочешь, сходи за ним.

– А травки нет? – поинтересовался Дрозд.

Марк отрицательно покачал головой.

– Плохо... – вздохнул Иван. – Я бы сейчас затянулся пару разочков.

– Я тоже, – подала голос Диана. – Ветер, у тебя ничего в загашнике не припрятано?

– Нет, – ответил за хозяина станции Славка. – У него зарыто в земельке! Или ты уже откопал, а, Ветер? И куришь в одно жало?

Кравченко рассмеялся. Все присутствующие, кроме Дрозда и Мичуриной, не знавших сути, последовали его примеру.

Намек был на прошлогодний случай. Тогда кто-то притащил с собой на «Ветродуйку» целую пол-литровую банку астраханской анаши, и тусовка вознамерилась ее за раз скурить. Но та, хоть и считается слабой, хорошо всех зацепила, и осталось ее больше половины. Ветер сказал: «Давайте ее закопаем. Вдруг менты нагрянут, а у нас тут чуть ли не наркопритон?» Народ Сергея поддержал и всей ватагой принялся банку с анашой прятать. Когда дело было сделано, они со спокойной душой улеглись спать. Утром же ни один человек не мог вспомнить место, где зарыли траву (никто не догадался поставить над ней ориентир). С тех пор члены клуба нет-нет да принимались искать банку, однако никому не удалось ее отрыть. Или, как вариант, кто-то все же нашел, но не сказал остальным. Хотя последнее маловероятно. Но как тема для шуток напоминание о той банке проходило на «ура».

– Хотите, я позвоню кое-кому, и нам привезут отличной травы? – спросил Дрозд.

– На фиг, неохота сегодня... – поморщился Ветер. – Да и водяры полно. Лучше по старинке нарежемся.

– И то верно! – подхватил Марк, который уже изрядно захмелел. Ему, чтобы «нарезаться», хватало пяти стопок. – Слава, разливай!

Кравченко послушно взялся за бутылку.

Пока он наполнял стаканчики, остальные вспоминали еще какую-то историю и громко гоготали. Дрозд расстегнул молнию на кармане ветровки, из которого раздалось треньканье сотового телефона.

– Извините, – буркнул Ваня, наконец достав его, – я отойду...

И, поднявшись с подушки, зашагал прочь.

– Как думаешь, что за дело у него к тебе? – спросил Слава у Ветра.

– Самому интересно, – ответил Сергей. – Могу предположить, что речь идет о каком-нибудь крупном рекламном контракте.

Слава посмотрел Дрозду в спину и задумчиво сказал:

– Я бы на твоём месте не стал с ним связываться.

– Я и не собираюсь. Но мне интересно, что Дрозд хочет предложить... – Он взял свой стаканчик и отсалютовал им остальным. – Вот сейчас дернем чуток, и поговорю с ним.

– Еще раз за вас, Марк и Диана! – провозгласил Баринов, последовав примеру Ветра. – Счастья вам!

– Да хватит уж за нас, – отмахнулся Штаркман. – Давайте просто за любовь!

Все, кроме жениха с невестой, скептически хмыкнули. Видно, у каждого была в жизни неудачная история (а то и не одна), после которой в любовь не очень-то верилось. И только Егор хмыкнул не поэтому. Он-то как раз в любовь верил. Но был убежден, что испытать ее можно один лишь раз, и с ним уже такое было...

– За что пьем? – спросил Дрозд, подходя. Он закончил разговор и убрал мобильный обратно в карман.

– За любовь, – ответила ему Бабуся.

– О, это святое! За это выпью... Но больше ни-ни.

– Ты веришь в любовь? – скептически усмехнулся Ветер.

– Конечно. Сам испытал когда-то. Давно, правда...

– Заливаешь!

– Да нет, я серьезно. Жаль, только один раз. Да и взаимной моя любовь не оказалась. Но все равно было, было...

И тут все, кто знал Дрозда с института, поняли, о ком он говорит. Девушку, которая растопила ледяное сердце Иванушки, звали Надеждой. Она училась с ним на одном курсе, была очень артистична, но скромна. Ей хотелось попасть в команду КВН, однако Надя стеснялась предложить свою кандидатуру. Дрозд, безуспешно ухаживающий за ней, решил, что если ей помочь, то она, возможно,

станет к нему более благосклонной. И привел ее в команду. Надю, после того как она показала несколько сценок, взяли, и скоро девушка уже считалась одним из самых ярких игроков. Вот только Дрозд так и остался для барышни всего лишь приятелем – Надя с первого курса встречалась с другим парнем и сразу по окончании института вышла за него замуж. Звали парня Егор Баринов.

Дрозд сильно переживал свою любовную неудачу. Но, что интересно, не пытался молодым напакостить. Совершенно искренне Иванушка желал Наде счастья и дорожил ее хорошим к себе отношением. Единственный же подарок девушки – черный кожаный шнурок с серебряным медальончиком в виде Стрельца, знака Зодиака, как нацепил на свое двадцатидвухлетие, так до сих пор и не снимал.

Кравченко очень удивился, заметив его сейчас. Столько лет прошло, а все носит... И, главное, шнурок уже вытерся, серебро потускнело, украшение смотрелось невзрачно и никак не соответствовало ни возрасту, не статусу Дрозда, но он этого будто не замечал. Или уж так сроднился с Надиным подарком, что не представляет на своей шее ничего другого?

– Да, я вам не сказал, – продолжил Иван, выпив и закусив все тем же яблоком. – Сейчас нам травы привезут. Ребята, что мне звонили, находятся тут неподалеку, и у них она всегда есть.

– Я ж сказал – не надо! – проворчал Ветер.

– А Дианочка вот не откажется, ведь она с нами не пьет... Да, Диана?

Невеста Марка кивнула.

– А что за ребята такие, у которых всегда трава при себе имеется? – поинтересовался Сергей.

– Твои единомышленники, кайтеры.

– Из моих?

– Нет, у них своя база есть.

- А... Ты про того недоноска Юргенса? Тогда понятно...

База Юргенса находилась не очень далеко от «Ветроудуйки». Всего в нескольких километрах. Построена она была только в прошлом году, но популярностью не пользовалась не поэтому. Просто ее облюбовали совершенно безбашенные люди (под стать хозяину), и те, кто приезжал туда позаниматься, а не накуриться, напиться, подраться, находили их общество неприемлемым. Юргенсу база не приносила никакого дохода, но ему на это было плевать. На строительство и содержание станции деньги ему дал отец, столичный олигарх. Папаша так страшно обрадовался, когда ребенок (Юргенсу было всего двадцать два) увлекся спортом, что готов был отстегивать любые суммы. Тем более они не шли ни в какое сравнение с теми, которые сынуля проигрывал в казино.

- А скоро привезут? - поинтересовалась Диана.

- Через полчасика.

- Хорошо. Тогда мы с Марком пойдем погуляем. Вы не против?

Естественно, никто ничего против не имел. Все понимали - жениху с невестой хочется поворковать.

Будущие супруги вышли из-за стола. Диана обняла Марка за шею, он ее за талию, и влюбленная парочка направилась в сторону моря, которое заходящее солнце раскрасило багряными тонами.

- Красивая пара, - заметила Ульяна. - И гармоничная, несмотря на большую разницу в росте, возрасте и уровне интеллекта.

- Тогда в чем же гармония? - нахмурилась Бабуся.

- В том, что они идеально дополняют друг друга, - ответил за писательницу Егор. - Или даже не так... Друг без друга они не то чтобы никто, но... Трудно объяснить.

- Особенно тебе, Барин, - захохотал Ветер. - Ты ж у нас немногословный! Поэтому дай Мичуриной договорить.

– Егор прав, – кивнула Ульяна. – Они как единица и ноль. По отдельности ноль – пустое место, а единица – самое маленькое число. Вместе же – десятка. Так и Марк с Дианой. Я уверена, что до того, как она стала встречаться с вашим другом, вы воспринимали ее как малолетнюю дурочку. Сейчас же, когда Диана рядом с ним, она будто серьезнее стала, взрослее и умнее. Но это не потому, что девушка набралась ума и зрелости от Марка. Просто он открыл Диане... Диану.

– Как так?

– Помните старое кино «В моей смерти прошу винить Клаву К.»? Там мальчик влюбился в девочку Клаву в детском садике и все детство и юность ей поклонялся. Но девочка выбрала не его, а другого. И сказала отвергнутому юноше: «Ты подарил мне себя, а он подарил мне меня!» Вот так же и Марк сделал...

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – подал голос Кравченко. – И с тобой согласен. Но что дала Марку взамен Диана? Как она его изменила? Чему научила? По моему, Штаркман остался таким, каким был. Даже не помолодел нисколько. Хоть и не поглупел, слава тебе господи...

– Благодаря ей Марк понял, что способен по-настоящему любить, а это дорогого стоит.

– Всего-то? – фыркнул Слава. – Неравнозначный обмен! Он-то, кроме всего прочего, безбедное существование Дианке, бедной сиротке, обеспечил. А то у нее ни жилья, ни денег... Семьи и той нет!

Тут в беседу вмешался Дрозд:

– А ты, Слава, ничего не путаешь?

– О чем ты?

– О безденежье Дианы?

– Не путаю. Ветер привез ее на станцию, потому что ей жить было негде и квартиру снять не на что.

- Странно...

- Ты знаешь ее, что ли?

- Наслышан о ней, скажем так.

- Ну-ка, ну-ка... - Ветер подался вперед. Он решил, что Дрозд сейчас начнет наводить поклеп на невесту Марка, и приготовился поймать его на лжи.

- У нее муж был, да? И он играл? - уточнил Иван.

- Правильно.

- Обычно ему везло, но однажды он продулся вчистую...

- Да, все ушло, в том числе и квартира. - А про себя Ветер добавил: «И Диана», но вслух этого не сказал.

- А что было дальше, ты знаешь? С мужем Дианы?

- Умер он вроде.

- Был убит, точнее. Сразу после того, как продал квартиру (договоренность у них была такая: отдать долг деньгами, а не недвижимостью).

- И что?

- А то, что денег тот, кому он проиграл, так и не получил. Исчезли они... - Дрозд криво усмехнулся. - Как и Диана.

- Ты на что намекаешь?

- Многие считают, что именно она заказала мужа и забрала деньги.

- Да брось! Я о таком не слышал!

– Иначе не привез бы ее сюда? – проницательно усмехнулся Дрозд. – Она всех вас обманула. Включая того мужика, который так и не получил долг. Ведь Диана и с ним позажигала, да? Но не потому, что муж ее проиграл, эту байку она сама придумала, просто ей нужно было усыпить его бдительность.

– Какой же ты, Дрозд, балабол... – досадливо протянул Ветер. – Выдумываешь всякую хрень... И главное – зачем? Все равно тебе никто не поверит...

– Я ничего не выдумал! Диана та еще штучка... – Иван посмотрел на два темных силуэта, слившихся в единое целое на фоне закатного неба. – И, кстати сказать, она не сирота. Первая из моих жен была дальней родственницей ее матери и отлично знала всю их семью...

Глава 8

Диана и вправду не была сиротой. Ее мать до сих пор здравствовала, причем находилась еще в том возрасте, который далек от пожилого. Ей исполнилось всего сорок!

Лариса, так звали матушку Дианы, родила дочь в семнадцать. От кого, она и сама толком не знала, но была уверена, что отцом ее чада был кто-то из устроителей первой в их городе выставки элитных автомобилей. Лариса принимала в ней участие в качестве модели. Она посещала школу манекенщиц и грезила о мировой карьере, и когда ее и еще пятерых девочек пригласили поработать на выставке, Лариса была на седьмом небе от счастья. Во-первых, покрасоваться на фоне дорогуших машин мечтала каждая, во-вторых, это могло стать стартом головокружительной карьеры, а в-третьих, с деньгами в их семье было туго, а ей обещали прилично заплатить.

Лариса была очень красивой смуглянкой с аппетитными формами. На фоне остальных моделей – худых, светловолосых, белокожих (в моде тогда были белокурые голубоглазые красотки) – она сильно выделялась и казалась старше ровесниц из-за своих спелых прелестей и проницательного взгляда огромных карих глаз. Нет ничего удивительного, что именно Ларису поставили рядом с самым роскошным авто – с красным «Феррари», а затем пригласили на банкет.

Девушка раньше практически не пила, но, работая на выставке, она так перенервничала, что сейчас решила для расслабления принять пару фужеров шампанского. Вино ей подносил очень солидный дяденька, имени которого она не помнила, но знала: тот – большая городская шишка. Ожидать от такого серьезного и важного мужчины гадости, а тем более подлости Лариса никак не могла. Поэтому, когда перед глазами вдруг все стало расплываться, она решила, что на нее так подействовал алкоголь. Дядечка, заметив состояние девушки, любезно предложил проводить ее в один из кабинетов, где есть диван. Лариса согласно кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Кайт» в переводе с английского – воздушный змей, в кайт-серфинге или кайтинге он применяется в качестве движущей силы. (Здесь и далее примечания автора.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/olga-volodarskaya/nesluchaynaya-noch>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)